
ЭРЕТОС
ЖЕЛЕЗНЫЙ РАСКОЛ
18+

Евгений Терещук

Эретос. Железный раскол

https://litres.ru/74809889
SelfPub; 2026

Аннотация

ЖЕЛЕЗНЫЙ РАСКОЛ

Эретос рушится изнутри.

Сеть Векторов истощается, запасы заканчиваются, торговые дома рвут последние связи с властью, а Синтерис готовит свой ход. Каэл пытается удержать страну, но приходит момент, когда становится ясно: Эретос уже не спасти.

Остаётся только бежать.

Двадцать пять тысяч человек отправляются в Великий Исход — прочь из страны, которая больше не может их защитить.

Аня должна провести их через земли, где им никто не рад. Рурик остаётся позади, чтобы задержать тех, кто идёт следом.

Но Великий Исход — это не путь к спасению.

Это начало новой войны.

И если они не дойдут до Вестервальда, вместе с ними исчезнет последний шанс начать всё заново.

Содержание

Глава 1. Железное сердце 7
Глава 2. Цена дара 34
Глава 3. Зерно империи 58
I. Цена одного зерна 58
II. Императорская воля 63
III. Голод начинается с цифр 68
IV. Скель 72
V. Зерно и железо 77
VI. Имперский стол 81
Глава 4. Износ 84
I. Глухой удар 84
II. То, что нельзя заменить 91
III. Совет 98
IV. Пустые склады 106
V. Три месяца 111
Глава 5. Чужие сведения 117
I. Человек без герба 117
II. За пределами гор 123
III. Техническая составляющая 128
IV. Дорога назад 135
V. Трещина в железе 141
Глава 6. Корень Окхейвена 147
I. Город, который покупает всё 147

II. Совет торговых домов 152
III. Два взгляда на один город 157
IV. Цена лекарства 162
V. Первый Консул 168
VI. За закрытыми дверями 173
Глава 7. Первый отказ 177
Глава 8. Под камнем 202
Глава 9. Распределение 225
Конец ознакомительного фрагмента. 238

Евгений Терещук
Эретос. Железный раскол

ЭРЕТОС
ЖЕЛЕЗНЫЙ РАСКОЛ
Книга вторая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Железное сердце
2. Цена дара
3. Зерно империи
4. Износ
5. Чужие сведения
6. Корень Окхейвена
7. Первый отказ
8. Под камнем
9. Распределение
10. Пепельный след
11. Южные лорды
12. Непредвиденное
13. Казначей
14. Железная воля
15. Разлом
16. Допрос
17. Чрезвычайное положение

18. Последний ремонт
19. Два пути
20. Цена решения
21. Перед бурей
22. Дороги Каэла
23. Две тысячи
24. Форт-Гроза
25. Пепел за спиной
26. Последний рубеж
27. Сломанный трон
28. Горные убежища
29. Цена дороги
30. Авангард
31. Последний горизонт
32. Железный Раскол
Эпилог. После железа

Глава 1. Железное сердце

Каэл просыпался не с рассветом.

Он просыпался с грохотом.

Сначала где-то глубоко под каменными основаниями раздавался низкий металлический стон. Затем дрожали подвесные мосты, натягивались цепи грузовых подъёмников, и огромные колёса Сети Векторов начинали медленно проворачивать свои зубчатые венцы.

Звук проходил сквозь гору, поднимался по шахтам, расходился по литейным дворам и жилым уровням. Его слышали даже те, кто жил у самых внешних перевалов. В некоторых домах от него звенела посуда, в других едва заметно дрожали подвешенные к потолку лампы. Старые двери отзывались сухим скрипом, а пыль, годами оседавшая в трещинах каменной кладки, осыпалась на подоконники.

Для жителей Каэла этот грохот был привычнее утренней молитвы.

Пока двигалась Сеть, княжество жило.

На нижних уровнях уже работали кузницы. Из высоких труб вырывался густой дым, смешиваясь с холодным горным воздухом. По подвесным линиям ползли грузовые платформы, нагруженные рудой и углём. Рабочие в кожаных фартуках направляли их с помощью рычагов и коротких команд. На стенах платформ поблёскивали рунические насечки –

старые, потемневшие от копоти, но всё ещё различимые.

У каждой линии был свой смотритель. У каждого подъёмника – своя бригада. У каждого литейного двора – мастер, знавший характер металла лучше, чем лица собственных соседей.

Работа начиналась задолго до того, как первые торговцы открывали лавки. В шахтах проверяли крепления, на грузовых площадках пересчитывали инструменты, а у подъёмников сменялись дежурные. Одни принимали ночные ведомости, другие сверяли количество отправленных грузов с тем, что должно было прибыть на верхние уровни.

Никто не полагался только на слова. В Каэле привыкли записывать всё: сколько руды поднято, сколько угля отправлено в литейные дворы, сколько металла ушло на ремонт, сколько осталось в запасе. Даже мелкие мастерские вели собственные книги. Ошибка в одной строке могла обернуться потерянной сменой, а ошибка в ведомости грузовой линии – голодом на целом уровне.

Здесь не любили беспорядка.

Не потому, что считали порядок добродетелью. Просто слишком хорошо знали, сколько стоит его отсутствие.

Каэл не был красивым государством.

Он был крепким.

Его красота заключалась в точности соединений, в тяжести ворот, в мостах, проложенных над пропастями, в каменных галереях, уходивших в толщу горы. Здесь не строили

ради восхищения. Здесь строили, чтобы выдержало.

Старые здания не сносили без необходимости. Их укрепляли, расширяли, соединяли новыми переходами. Иногда поверх древней кладки появлялись свежие каменные блоки, а рядом с массивными воротами – металлические скобы, изготовленные уже нынешними мастерами. Каэл рос не вверх и не вширь, а вглубь горы, постепенно заполняя собой пространство, которое когда-то казалось непригодным для жизни.

И всё это держалось на железе, камне и людях, которые умели заставить их служить друг другу.

На одном из верхних уровней, где начиналась главная грузовая ветвь Сети Векторов, мастер Тор стоял перед открытым кожухом приводного механизма.

Он не спал почти всю ночь.

На пальцах темнели следы машинной смазки, на рукаве засохла металлическая пыль. Перед ним возвышалась конструкция из массивных шестерён, стальных тяг и древних направляющих. Внутри механизма медленно вращалось кольцо с вырезанными знаками.

Тор приложил ладонь к холодному металлу.

Под кожухом что-то дрогнуло.

– Ещё раз, – приказал он.

Двое мастеров переглянулись. Один потянул рычаг, второй повернул бронзовый вентиль. По направляющим пробежал тусклый свет. Кольцо дрогнуло, заскрежетало и остано-

вилось.

Тор медленно убрал руку.

– Сколько?

– Три оборота, мастер.

– Вчера было пять.

– Вчера нагрузка была меньше.

Тор посмотрел на него.

– Ты хочешь сказать, что механизм устал?

Молодой мастер промолчал.

– Я задал вопрос.

– Нет, мастер. Я хочу сказать, что вчера через него проходило меньше груза.

– А я хочу сказать, что вчера он сделал пять оборотов, а сегодня только три. И мне совершенно безразлично, как ты назовёшь эту разницу.

Тор наклонился к нижней части корпуса. На соединении двух пластин обнаружилась тонкая трещина. Она почти терялась под слоем копоти, но инженер провёл по ней ногтем и почувствовал неровность.

Он вытер пальцы о ветошь и снова посмотрел на металл.

– Кто осматривал этот узел?

– Мы, мастер. Позавчера.

– И ничего не заметили?

– Нет.

– А сейчас?

Молодой мастер наклонился, вглядываясь в соединение.

– Трещина небольшая.

Тор медленно повернул голову.

– Я вижу, что небольшая.

– Её можно заварить.

– Можно. Если она не идёт дальше под пластину.

– Мы проверим.

– Вы уже проверяли. Позавчера.

Молодой мастер опустил глаза.

Тор не стал продолжать. Он знал, что тот не виноват в каждом недостатке механизма. Но ему надоело слышать объяснения, которые ничего не меняли.

Он постучал костяшками пальцев по корпусу. Металл отозвался глухим звуком.

– Слышишь?

– Да, мастер.

– Нет. Ты слышишь стук. А теперь послушай, что происходит после него.

Они замолчали.

Механизм работал с привычной тяжестью. Вращение передавалось на соседний узел, тот принимал нагрузку и отправлял её дальше. Но между двумя ударами действительно возникала короткая неровность. Не такая, чтобы её заметил случайный человек. Не такая, чтобы остановить работу. Однако Тор слышал её отчётливо.

Он много лет занимался этими механизмами. Знал, как звучит исправная шестерня, как отзывается ослабленное

крепление и какой звук издаёт металл, когда его начинают рвать изнутри.

Этот звук ему не нравился.

– Тогда сегодня осмотрите ещё раз всю ветвь, – сказал он. – От верхнего распределителя до третьего подъёмника. Проверите каждое соединение, каждую направляющую и все крепления. Не ограничивайтесь теми местами, которые удобно осматривать.

– Понадобится остановить движение на участке.

– Значит, остановите.

– Но там уже назначена отправка…

– Я сказал, остановите.

Мастер хотел возразить, но передумал.

Тор выпрямился.

– И не смейте записывать в ведомость, что всё исправно, только потому, что оно пока не развалилось. Я не собираюсь узнавать о настоящей поломке по списку погибших.

Он направился к выходу из мастерской.

За его спиной механизм снова загудел. Рабочие вернулись к рычагам, и грузовая платформа медленно поползла вверх.

Тор задержался у дверного проёма.

Он видел, как платформа проходит над узкой галереей, как рабочие указывают друг другу на крепления, как груз медленно исчезает за каменным поворотом.

Всё выглядело привычно.

Слишком привычно.

Он знал, что один небольшой дефект не обязательно означает катастрофу. Металл изнашивался, крепления ослабевали, древние механизмы требовали ремонта. Так было всегда. Но раньше у Каэла хватало возможностей устранять неисправности до того, как они становились опасными.

Теперь приходилось выбирать, что ремонтировать первым.

И этот выбор ему не нравился.

Тор снова посмотрел на приводной механизм.

Но уже не слушал привычный грохот Каэла.

Он прислушивался к паузам между ударами.

На центральной площади литейного уровня торговцы раскладывали товар.

Здесь продавали инструменты, крепёж, выделанную кожу, сушёное мясо и горные травы. У стены стояли бочки с водой, возле которых уже собралась небольшая очередь. Чуть поодаль двое грузчиков спорили о том, кто должен принять очередную партию угля. Их спор был громким, но коротким: оба прекрасно знали, что через несколько минут придётся возвращаться к работе.

На площади пахло горячим хлебом, дымом и сырой кожей. Из ближайшей кузницы доносились удары молотов. Иногда над крышами поднимался сноп искр, и прохожие даже не поворачивали головы.

Чуть в стороне стояли небольшие столы алхимиков. Их лавки отличались от остальных: над прилавками висели

стеклянные колбы, запечатанные глиняные сосуды и металлические чаши с выгравированными знаками.

У одного из столов женщина в сером переднике держала над ладонью маленькую искру.

Она была едва заметна – не больше светлячка. Но искра не гасла, даже когда женщина разжимала пальцы.

Рядом стоял мальчик лет двенадцати.

– Теперь ты, – сказала она.

Мальчик вытянул руку. Несколько мгновений ничего не происходило. Потом между его пальцами мелькнул слабый свет.

Он испуганно отдёрнул руку.

– Не бойся, – сказала женщина. – Она не чужая. Она всегда была с тобой.

– А если погаснет?

– Почему она должна погаснуть?

– У меня почти не получается.

Женщина присела перед ним, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

– Не путай силу с умением. У тебя получилось удержать искру. Этого достаточно для первого раза.

Мальчик снова посмотрел на ладонь.

– А почему у мастера получается лучше?

Женщина посмотрела в сторону кузницы. Там один из подмастерьев проводил пальцами над раскалённой заготовкой. По поверхности металла расходились тонкие светящи-

еся линии, и жар словно собирался в центре пластины.

Подмастерье работал осторожно, почти не двигаясь. Рядом стоял старший кузнец, следивший за каждым движением. Когда линии на заготовке начали расползаться, он коротко произнёс несколько слов. Молодой мастер изменил положение ладони, и свечение выровнялось.

– Потому что он умеет направлять свою искру, – ответила женщина. – И потому что у него есть то, чего у тебя пока нет.

Мальчик посмотрел на её руки.

– Ихор?

Женщина кивнула.

– Ихор.

– А если бы у меня был?

– Тогда твоя искра могла бы стать сильнее. Но сначала тебе нужно научиться обращаться с тем, что уже есть.

– Почему?

– Потому что сила не делает человека умелым.

Мальчик задумался.

На соседнем прилавке торговец осторожно снял крышку с небольшого сосуда. Внутри медленно перекатывалась густая багровая субстанция. Она не плескалась, как вода, и не текла, как масло. Её движение было тяжёлым, почти ленивым. От сосуда исходил слабый жар.

Несколько покупателей сразу повернули головы.

Торговец улыбнулся.

– Чистый товар. Запечатан у поставщика. Для тех, кто зна-

ет цену настоящему дару.

Он говорил негромко, но достаточно отчётливо, чтобы его услышали стоявшие рядом.

Один из покупателей – мужчина в дорогом плаще с меховой отделкой – подошёл ближе.

– Откуда поставка?

– Через проверенного посредника.

– Я спросил, откуда.

Торговец чуть заметно поморщился.

– Товар надёжный. Печать не нарушена.

Мужчина осмотрел сосуд, но не прикоснулся к нему.

– Сколько?

Торговец назвал цену.

Покупатель некоторое время молчал, затем достал небольшой кошель.

Женщина с мальчиком наблюдали за происходящим.

– Он правда столько стоит? – тихо спросил ребёнок.

– Даже больше, если покупатель знает, зачем ему это нужно.

– Тогда почему не купить всем?

Женщина посмотрела на него.

– Потому что не у всех есть такие деньги.

Мальчик перевёл взгляд на свою ладонь.

– Значит, у меня никогда не получится, как у того кузнеца?

– Я этого не говорила.

– Но без Ихора…

– Без Ихора у тебя останется твоя искра. Ты сможешь учиться. Сможешь развивать то, что дано тебе от рождения. Не каждый мастер становится великим благодаря силе. Иногда достаточно терпения и хороших рук.

– А если мне захочется большего?

Женщина не ответила сразу.

На соседнем прилавке торговец закрыл сосуд и убрал его в деревянный ящик. Покупатель пересчитывал монеты, а его слуга уже готовил сумку для покупки.

– Тогда однажды ты сам решишь, чего хочешь и какую цену готов заплатить, – сказала женщина.

Мальчик нахмурился.

– А какую цену?

Она посмотрела на него внимательнее.

– Не всякая сила даётся бесплатно.

В Каэле это знали даже дети. Ихор мог усилить врождённый дар, сделать его заметнее и мощнее, но чрезмерное использование разрушало самого человека. Об этом говорили не на площадях и не в зазывных речах торговцев. Об этом знали лекари, мастера и те, кто однажды видел последствия слишком большой силы.

Но на рынке о цене дара предпочитали не вспоминать.

Здесь показывали товар.

И здесь же наглядно было видно, кому он доступен.

Женщина убрала свою искру и поправила передник.

– Пойдём. Тебе ещё нужно успеть домой.

Мальчик задержался на мгновение, глядя на кузницу.

Потом последовал за ней.

В Каэле дар не был редкостью. Редкостью было то, что позволяло человеку сделать его сильнее.

К полудню на верхнем уровне собрались представители Дома Скель и главных инженерных гильдий.

Совещание проходило в старом зале, вырубленном непосредственно в скале. Его стены украшали рельефы прежних мастеров: одни держали молоты, другие – чертёжные инструменты, третьи стояли возле огромных механизмов. В центре зала находился каменный стол с картой княжества.

По карте проходили металлические линии – изображение Сети Векторов.

На отдельных участках были закреплены небольшие металлические метки. Одни обозначали главные подъёмники, другие – грузовые распределители и узловые станции. Возле нескольких линий лежали чертежи с пометками инженеров. На некоторых листах чернила ещё не успели высохнуть.

Рурик Скель стоял у дальнего края стола. Он не любил долгих совещаний и ещё меньше любил, когда ему приносили плохие новости, обёрнутые в красивые слова.

На нём не было парадного облачения. Только тёмная одежда, тяжёлый пояс и знак Дома Скель. Рурик предпочитал приходить на подобные встречи без лишних украшений. Здесь требовалось не производить впечатление, а принимать

решения.

Аня находилась рядом с ним. На ней была форма капитана гарнизона, без парадных украшений. Она слушала молча, наблюдая за тем, как Тор раскладывает перед собравшимися чертежи.

Инженер выглядел так, словно за последние сутки постарел на несколько лет. Он не стал тратить время на приветствия и сразу перешёл к делу.

– Главные подъёмники работают, – начал он. – Грузовые линии тоже. Но нагрузка распределяется всё хуже. Некоторые узлы не выдерживают прежнего режима.

– Насколько хуже? – спросил Рурик.

– Пока не настолько, чтобы останавливать движение.

– Я спросил не об этом.

Тор поднял глаза.

– Достаточно, чтобы я потребовал немедленного ремонта.

Один из представителей гильдий недовольно кашлянул.

– Мы уже выделяли металл на ремонт нижней ветви.

– Вы выделили металл на замену двух соединений. Я просил материал для всей секции.

– У гильдий нет бесконечных запасов.

– У Сети тоже нет бесконечного срока службы.

По залу прокатился негромкий ропот.

Рурик поднял ладонь, и разговор стих.

– Что произойдёт, если ничего не делать?

Тор не стал отвечать сразу. Он посмотрел на карту, провёл

пальцем вдоль нескольких линий.

– Сначала начнут задерживаться грузы. Потом придётся ограничивать движение на отдельных участках. Если откажет один из главных распределителей, мы потеряем сразу несколько ветвей.

– А если откажут подъёмники?

– Тогда шахты и верхние уровни окажутся отрезаны от части снабжения.

– Насколько быстро?

– Зависит от того, какой именно узел откажет.

– То есть ты не можешь назвать срок?

– Нет.

Рурик поджал губы.

– Продолжай.

Тор передвинул один из чертежей.

– Здесь повреждения пока небольшие. Здесь износ заметнее. А на этой ветви уже приходится снижать нагрузку. Если мы продолжим гонять платформы в прежнем режиме, повреждения будут накапливаться быстрее, чем мы сможем их устранять.

– Ты предлагаешь остановить ветвь?

– Я предлагаю отремонтировать её до того, как она остановится сама.

– И сколько времени это займёт?

– Если получу металл и людей – несколько дней на основные узлы. Но это не решит проблему всей Сети.

– А если не получишь?

Тор посмотрел на него прямо.

– Тогда будем надеяться, что следующий отказ произойдёт не под полной платформой.

Несколько человек за столом отвели глаза.

Аня посмотрела на карту.

Она знала эти линии не только по чертежам. Ей приходилось проходить по ним, сопровождать караваны, проверять посты и вытаскивать людей из завалов после аварий. Сеть была не просто дорогой. Она связывала Каэл в единое целое.

По ней доставляли уголь к кузницам, руду к литейным дворам, инструменты в мастерские, продовольствие к жилым уровням. По ней двигались люди, которые каждый день обеспечивали работу княжества. Даже те, кто никогда не покидал своего уровня, зависели от того, что происходило на других участках.

Если она остановится, каждый уровень начнёт жить сам по себе.

– Сколько людей потребуется для ремонта? – спросила Аня.

Тор повернулся к ней.

– Бригады из трёх мастерских. И материалы, которые сейчас числятся в резерве.

– Эти материалы уже распределены, – вмешался представитель гильдии литейщиков.

– Тогда снимите их с распределения.

– Это невозможно.

– Почему?

– Потому что металл нужен для заказов, которые уже оплачены.

Тор коротко усмехнулся.

– Замечательно. Значит, мы сохраним оплаченные заказы и потеряем дороги, по которым должны были их доставить.

Представитель гильдии выпрямился.

– Вы говорите так, будто металл лежит у нас без дела. Заказы уже приняты. Под них выделены рабочие, рассчитаны сроки, закуплены материалы. Если мы остановим производство, убытки понесут не только гильдии.

– А если не остановите, убытки понесут все.

– Мастер Тор, не вам решать, какие договоры можно нарушать.

– А вам не решать, сколько ещё выдержит Сеть.

Рурик посмотрел на представителя гильдии.

– Заказы подождут.

– Варлорд, речь идёт о договорах с внешними поставщиками…

– Я знаю, о чём идёт речь. И если Сеть встанет, ваши договоры станут красивыми листами бумаги, которыми можно будет растопить печь.

– Но не все проблемы можно решить одним приказом, – заметил другой участник совещания. – У нас есть гарнизоны, которым нужны металл и оружейные заготовки. Есть укреп-

ления на перевалах. Есть ворота, которые нельзя оставить без ремонта.

– Я знаю, – ответил Рурик.

– Тогда вы понимаете, что требования инженеров не единственные.

– Понимаю.

Тор постучал пальцем по чертежу.

– Я не прошу отдать мне всё. Я прошу дать то, без чего мы не сможем сохранить движение.

– А я прошу не забывать, что движение нужно не только вашим мастерским, – сказал представитель гильдии.

– Именно поэтому я здесь.

Аня заметила, как один из старших мастеров отвёл взгляд. Не из страха. Скорее от усталости.

Люди в этом зале понимали, что происходит. Просто каждый надеялся, что последствия коснутся кого-нибудь другого.

Рурик обошёл стол и остановился возле карты.

– Давайте без общих слов. Что у нас есть?

Один из чиновников раскрыл ведомость.

– В резерве остаётся металл для текущих ремонтных работ и часть заготовок. Полностью обеспечить запрос Тора мы не можем.

– Почему?

– Часть запасов уже предназначена для гарнизонов. Ещё часть – для укрепления восточных ворот и ремонта несколь-

ких внешних переходов.

– Что можно перенести?

Чиновник пробежал глазами по записям.

– Не всё. Некоторые работы уже начаты.

– А что можно остановить?

– Потребуется пересмотреть ведомости.

– Пересмотрите.

Представитель гильдии литейщиков недовольно подался вперёд.

– Вы не можете просто отменять обязательства перед каждым, кто приходит к вам с плохими новостями.

– Могу, если эти обязательства мешают сохранить княжество.

– А если после этого у нас не будет заказов?

Рурик посмотрел на него.

– Тогда у нас хотя бы останутся дороги, по которым можно будет искать новые.

Тор молчал. Он не собирался благодарить Рурика за очевидное. Ему нужны были не слова и не обещания, а конкретные материалы.

– Я хочу видеть список всех узлов, которые требуют ремонта, – сказал варлорд. – Не только тех, что ты считаешь главными. Все.

– Это займёт время.

– Сколько?

– Если не отвлекать людей на другие работы – два дня.

– Получишь два дня.

– Мне нужны мастера.

– Получишь людей, которых смогу снять с других участков.

Тор хотел возразить, но сдержался.

– И металл, – добавил он.

Рурик повернулся к чиновнику.

– Подготовьте новый расчёт запасов. Отдельно укажите, что можно перенести, что придётся отменить и какие участки останутся без ремонта.

– Это займёт время.

– Я уже слышал.

Чиновник склонил голову и сделал запись.

Рурик снова посмотрел на Тора.

– Ты получишь часть резерва. Не весь. Когда будет готов список, решим, что ещё можно выделить.

– Этого может не хватить.

– Возможно.

– Тогда вы должны понимать риск.

– Я его понимаю.

– Не думаю, варлорд.

В зале стало тихо.

Тор не повышал голоса. В этом не было необходимости. Он слишком долго работал с Сетью, чтобы позволить кому-то убеждать его, будто она может подождать.

Рурик выдержал его взгляд.

– А ты должен понимать, что я не могу разобрать стены, чтобы починить подъёмник. И не могу оставить гарнизоны без оружия, чтобы твои механизмы работали без перебоев.

– Я не прошу разбирать стены.

– Пока не просишь.

Аня посмотрела на обоих.

Она видела, что ни один из них не хочет уступать. Но оба понимали, что спорят не о том, кому достанется больше металла. Они спорили о том, какую часть Каэла можно позволить себе подвергнуть риску.

И правильного ответа здесь не было.

– Если Сеть остановится, – сказала она, – нам придётся выбирать не между ремонтами и заказами. Нам придётся выбирать, какие уровни смогут получать снабжение.

Тор кивнул.

– Именно.

Представитель гильдии отвёл взгляд.

Рурик некоторое время смотрел на карту.

– Тогда не будем ждать, пока это станет нашим единственным выбором.

Он распорядился закончить совещание и подготовить новые ведомости. Участники начали собирать документы, переговариваться и спорить уже тише. Тор забрал чертежи, оставив на столе только схему главных ветвей.

Аня задержалась возле карты.

Ей хотелось запомнить расположение всех отмеченных

участков. Не потому, что она собиралась заниматься ремонтом. Но если однажды придётся выводить людей из княжества, ей нужно будет знать, какие пути останутся доступными.

Она ещё не думала об эвакуации.

Пока это было всего лишь неприятное предположение, которое не хотелось произносить вслух.

Когда совещание закончилось, Рурик задержался у карты.

Аня подошла к нему.

– Ты не веришь Тору? – спросила она.

– Верю.

– Тогда почему не выделил ему всё, что он просил?

Рурик провёл ладонью по краю каменного стола.

– Потому что у меня есть ещё гарнизоны, стены, склады и люди, которым тоже нужно есть.

– Он говорит, что Сеть может остановиться.

– А если я отдам ему весь металл, а через месяц нам нечем будет укреплять стены? Что тогда?

Аня не ответила.

Рурик посмотрел на неё.

– Ты думаешь, я не понимаю?

– Я думаю, что ты пытаешься удержать слишком многое сразу.

– Это моя работа.

– А если удержать всё не получится?

Рурик долго молчал.

Он снял с края стола одну из металлических меток и покрутил её между пальцами. Маленькая деталь изображала участок Сети, но в его руке казалась почти игрушечной.

– Когда я был моложе, – сказал он наконец, – мне казалось, что достаточно иметь крепкие стены и людей, которые готовы их защищать.

Аня слушала молча.

– Потом я понял, что стены сами себя не чинят. Люди сами себя не кормят. Оружие не появляется в руках по приказу. За каждым решением стоит десяток других решений, которые кто-то должен принять раньше.

Он положил метку обратно на карту.

– Теперь я знаю, что даже крепкие стены можно потерять, если внутри них нечего есть.

– Но если не починить Сеть, мы потеряем больше, чем стены.

– Знаю.

– Тогда почему ты всё ещё пытаешься распределить металл между всеми?

– Потому что я не могу заранее знать, где он понадобится завтра.

Аня нахмурилась.

– Ты боишься ошибиться?

Рурик посмотрел на неё.

– Я боюсь принять решение, после которого людям придётся расплачиваться за мою ошибку.

– А если без решения будет ещё хуже?

– Тогда придётся выбирать.

– Ты уже выбираешь.

– Да.

Он отвёл взгляд к карте.

– И мне не нравится ни один из вариантов.

За стенами зала грохотали механизмы. Внизу, на литейных уровнях, продолжалась работа. Каэл жил своей обычной жизнью – шумной, тяжёлой, уверенной в завтрашнем дне.

– Ты говоришь с Тором так, будто он должен понять, – сказала Аня. – Но он видит только Сеть.

– А ты думаешь, он не прав?

– Я думаю, что он видит то, что остальные предпочитают не замечать.

Рурик усмехнулся, но в его улыбке не было веселья.

– Возможно.

– Он не просит лишнего.

– Я знаю.

– Тогда…

– Аня.

Он произнёс её имя негромко, но она замолчала.

– Ты командуешь гарнизоном. Ты знаешь, что такое нехватка людей, оружия и времени. Ты знаешь, что бывает, когда все требуют одного и того же. И ты знаешь, что нельзя отдать всё одному участку, даже если его командир убеждён, что именно он важнее остальных.

– Но Сеть связывает их все.

– Именно.

Рурик снова посмотрел на карту.

– Если мы потеряем её, никакие стены не спасут княжество. Но если мы оставим стены без защиты, нам не поможет и исправная Сеть.

Аня не ответила.

Она понимала его доводы. И всё же понимала Тора.

Рурик тяжело вздохнул.

– Тогда будем решать, что спасать первым.

Он направился к выходу.

Аня осталась возле карты.

Её взгляд остановился на одной из линий, проходившей через восточную часть княжества. На схеме она выглядела ровной и непрерывной. Но Аня помнила этот участок. Там уже несколько недель задерживались грузовые платформы.

Она провела пальцем по камню.

В памяти всплыл один из последних обходов. Платформа, которая должна была прибыть к смене, задержалась почти на час. Смотритель объяснил это перегрузкой соседней ветви. Тогда Аня не придала этому значения. В Каэле постоянно что-то задерживалось, ломалось и требовало ремонта.

Но теперь эти мелочи складывались в одну картину.

Сеть ещё работала.

Но впервые за долгое время ей показалось, что Каэл держится не на силе железа, а на привычке людей верить, что

железо никогда не подведёт.

Вечером мастер Тор вернулся к главному распределителю.

Большинство рабочих уже разошлись. В мастерской остались только дежурные, поддерживавшие огонь в печах и следившие за движением грузовых линий.

На столе возле входа лежали ведомости. Тор пролистал их, задержался на нескольких строках и нахмурился. В одном месте значилось, что для ремонта потребуется больше металла, чем было выделено. В другом – что часть креплений придётся изготовить заново, поскольку старые уже нельзя использовать.

Он отложил бумаги.

Потом снял перчатки и подошёл к механизму.

Здесь было тише, чем днём. Не потому, что Сеть работала медленнее, а потому, что исчезли посторонние звуки. Не было разговоров, стука инструментов и команд рабочих. Остался только гул приводов и тяжёлое движение металлических частей.

Тор приблизился к приводному узлу и приложил ладонь к корпусу.

Под ладонью отозвалась привычная вибрация.

Затем наступила короткая пауза.

Не поломку. Не остановку. Всего лишь мгновение, в которое огромная конструкция словно забыла, что должна двигаться.

Тор отнял руку.

– Слышали? – спросил он.

Молодой мастер, дежуривший у рычага, нахмурился.

– Что именно?

Тор не ответил.

Он посмотрел на вращающееся кольцо. Рунические знаки на его поверхности мерцали ровно, без заметных перебоев.

Механизм продолжал работать.

– Проверьте нагрузку на соседнем распределителе, – сказал инженер.

– Сейчас?

– Нет, через неделю. Конечно, сейчас.

Молодой мастер поспешил к рычагам.

Тор снова коснулся корпуса. Вибрация казалась обычной, но он уже не доверял первому впечатлению.

– Сними показания, – приказал он.

– Есть.

– И запиши время.

– Запишу.

– Не округляй.

Мастер кивнул.

Тор отошёл к столу, взял одну из ведомостей и ещё раз посмотрел на перечень узлов. Потом положил её обратно.

Он знал, что завтра придётся снова идти к Рурику. Знал, что полученных материалов может не хватить. Знал, что гильдии будут сопротивляться каждому требованию, а рабо-

чие не смогут бесконечно трудиться без отдыха.

И всё же он должен был продолжать.

Потому что Сеть не умела просить о помощи.

Она просто работала, пока могла.

Старый инженер достал из кармана маленькую записную книгу и сделал новую отметку.

На этот раз рядом с названием узла поставил не дату ремонта.

Он поставил вопросительный знак.

А далеко под каменными основаниями Каэла продолжала двигаться Сеть Векторов.

Пока ещё.

Глава 2. Цена дара

Запах крови в лечебнице Каэла пытались перебить горными травами.

Не получалось.

Травы горели в медных чашах, по стенам тянулся сизый дым, а служители в тёмных передниках шептали слова старых обрядов. Над входом висели связки высушенных растений, на дверных косяках темнели защитные знаки. Вдоль стен стояли узкие шкафы с лекарскими принадлежностями, глиняными сосудами и свёртками чистой ткани.

Всё здесь было устроено для того, чтобы возвращать людей к жизни.

Но кровь всё равно пахла сильнее.

Она была повсюду.

На простынях.

На полу.

На руках женщины, державшей голову пациента.

И в самом воздухе.

– Ещё корня, – сказал лекарь.

– Его почти не осталось.

– Тогда найди.

– Мастер…

– Найди.

Молодой помощник бросился к шкафу. Он распахнул тя-

жёлую дверцу, начал перебирать глиняные сосуды и мешочки с высушенными травами. Один за другим он снимал их с полок, проверял содержимое и возвращал на место.

Пусто.

В другом сосуде на дне лежала лишь горсть сухой крошки. В третьем сохранилось немного тёмного порошка, но помощник даже не стал его открывать: он знал, что это не то, что требовалось сейчас.

Наконец он достал небольшой глиняный флакон.

Внутри плескалось немного настоя.

– Вот, мастер.

Лекарь повернулся.

– Сколько?

– На одну порцию. Может быть, чуть меньше.

– А сухой корень?

Помощник покачал головой.

Лекарь сжал челюсти.

– Поставь на стол.

В центре помещения на низком каменном столе лежал мужчина.

Его звали Эдран. Он был мастером-каменщиком и работал на строительстве нового укрепления у западной шахты. Ещё месяц назад он мог одним прикосновением укрепить трещину в каменной стене. Его дар помогал чувствовать слабые места в породе, различать внутренние напряжения и направлять собственную силу так, чтобы камень становился

плотнее и прочнее.

Его дар был слабым.

Как у большинства.

Но слабый дар тоже можно было усилить.

Если заплатить.

Эдран знал это не хуже других. Он видел одарённых мастеров, которые справлялись с работой быстрее, увереннее и с меньшими затратами сил. Видел, как заказчики выбирали тех, кто мог показать лучший результат. Видел, как его собственные навыки переставали считаться достаточными, когда рядом появлялся человек, способный сделать за день то, на что у него уходила неделя.

У него была семья. Жена, двое детей и старый отец, который давно уже не мог работать в каменоломне.

Деньги требовались постоянно.

Когда ему предложили усилить дар, он не сразу согласился. Сначала расспрашивал, потом советовался с другими мастерами, пытался понять, насколько велик риск. Ему объяснили, что при правильном использовании Ихор помогает раскрыть возможности врождённой искры. Что главное – соблюдать меру и не пытаться получить больше, чем способно выдержать тело.

Он поверил.

И, возможно, поначалу всё действительно шло хорошо.

Теперь Эдран выгибался на столе так, словно пытался вырваться из собственного тела.

Его кожа приобрела сероватый оттенок. На шее и руках проступили тёмные прожилки. Они медленно расползались под кожей, будто внутри человека росли чужие корни.

Дыхание было прерывистым. Иногда он надолго замирал, а потом резко втягивал воздух, словно только что вынырнул из ледяной воды.

– Держите его! – приказал лекарь.

Двое мужчин навалились на плечи Эдрана.

Тот открыл глаза.

Белки его глаз покраснели.

– Ещё, – прошептал он.

Лекарь замер.

– Что?

– Дайте ещё.

Жена Эдрана, стоявшая у стены, закрыла рот ладонью.

– Нет, – сказал лекарь. – Тебе больше нельзя.

Эдран попытался повернуть голову.

– Вы не понимаете.

– Я прекрасно понимаю.

– Нет. Не понимаете!

Он дёрнулся, и мужчины сильнее прижали его к столу.

– Я почти закончил стену. Ещё немного. Всего немного.

Голос Эдрана сорвался. Он закашлялся, и на губах выступила кровь.

– Я чувствовал камень, – продолжил он. – Каждую трещину. Каждый слой. Он слушался меня…

– Это был Ихор, – сказал лекарь.

– Это был мой дар!

– Да. Твой дар. Но ты заставил его работать так, как он никогда не должен был работать.

Эдран засмеялся.

Сначала тихо.

Потом громче.

– Я мог сделать больше. Вы видели бы…

– Я видел достаточно.

– Я мог закончить работу за двоих!

– И теперь не можешь удержать собственную руку.

Эдран посмотрел на свои пальцы. Они мелко дрожали, а тёмные прожилки под кожей стали заметнее.

Он попытался сжать кулак, но пальцы почти не слушались.

На лице промелькнуло непонимание.

– Что со мной?

Лекарь не ответил сразу.

Он видел подобное прежде. Не каждый день, но достаточно часто, чтобы знать: перед ним не обычное истощение и не простая горячка. Ихор усилил врождённую искру Эдрана, но тело не выдержало той нагрузки, которую тот на себя возложил. Сила, которую каменщик привык направлять в камень, теперь словно обернулась против него самого.

– Твоё тело больше не справляется, – сказал лекарь.

– Но я же остановился.

– Поздно.

– Я остановился!

Эдран попытался подняться, но его снова удержали.

– Я больше не буду. Слышите? Не буду. Только помогите мне…

Его голос стал тише.

– Я должен вернуться. Там работа. Они ждут.

Жена Эдрана сделала шаг вперёд.

– Не надо сейчас, милый.

Он повернул к ней голову.

– Я обещал закончить.

– Я знаю.

– Там осталось немного.

Женщина опустилась возле стола и осторожно коснулась его руки.

– Не думай сейчас о стене.

Эдран закрыл глаза.

На этот раз он не ответил.

Лекарь повернулся к помощнику.

– Корень?

Тот медленно покачал головой.

– Есть только настой. На одного человека не хватит.

В помещении стало тихо.

Все понимали, что это означало.

Слёзный корень не возвращал человеку дар.

Не делал его сильнее.

Он не был чудодейственным лекарством и не мог отменить любую болезнь или повреждение.

Но именно он мог помочь устранить негативные последствия воздействия Ихора. Без него состояние пострадавшего могло продолжить ухудшаться, даже если сам Ихор уже перестал действовать.

И сейчас его не хватало.

Лекарь закрыл глаза.

– Готовьте настой.

– Мастер, его слишком мало.

– Я знаю.

– Может, лучше оставить…

– Я сказал – готовьте.

Помощник бросился к столу.

Он достал небольшую чашу, осторожно перелил в неё содержимое флакона и поставил на медную подставку. Затем добавил немного подготовленной жидкости и начал медленно перемешивать состав.

Лекарь следил за каждым движением.

– Не торопись.

– Да, мастер.

– И не пролей.

Помощник кивнул.

Жена Эдрана подошла ближе.

– Он выживет?

Лекарь не посмотрел на неё.

– Если тело выдержит.

– А если нет?

Он молчал.

Женщина ждала ответа, но лекарь продолжал наблюдать за чашей. Он не мог обещать того, чего не знал. Не мог назвать сроков и не мог сказать, что небольшое количество корня обязательно поможет.

За стенами лечебницы грохотала Сеть Векторов.

Грузовые платформы продолжали двигаться между уровнями. Где-то вдалеке ударил молот, затем послышался короткий скрежет металла. На площади торговцы открывали лавки, а рабочие спешили на смену.

Каэл продолжал жить.

Вечером Аня Скель спустилась на нижний уровень города.

Она не любила лечебницы.

Не потому, что боялась крови.

За годы службы ей приходилось видеть достаточно раненых, чтобы перестать отводить взгляд. Она видела людей, которых приносили после обвалов, тех, кто получал ожоги в кузницах, и тех, кто возвращался с перевалов с переломанными конечностями. Война и служба быстро отучали человека считать кровь чем-то необычным.

Ей не нравилось другое.

Здесь всегда было слишком много людей, которые надея-

лись.

Иногда надежда была единственным, что у них оставалось.

У входа её встретил лекарь.

– Капитан.

– Мне сказали, что произошёл несчастный случай.

Лекарь посмотрел на неё усталыми глазами.

– Если вы хотите назвать это несчастным случаем.

– Что случилось?

– Рабочий. Каменщик. Использовал Ихор.

– Незаконно?

– Нет.

Аня нахмурилась.

– Тогда в чём проблема?

– В количестве.

Лекарь провёл её внутрь.

По дороге они прошли мимо нескольких коек. На одной лежал пожилой мужчина с перевязанной ногой. На другой молодая женщина держала на груди младенца, пока служитель менял повязку. У дальней стены двое помощников перебирали инструменты и готовили чистую ткань.

Аня заметила, что лекарь почти не смотрит по сторонам. Он двигался быстро, но без суеты. Видимо, усталость давно стала для него привычной.

– Часто такое бывает? – спросила она.

– Чаще, чем хотелось бы.

– Из-за Ихора?

– Из-за людей, которые считают, что смогут выдержать больше, чем им дано.

– Но ведь его продают законно.

– Законность продажи не делает безопасным любое количество.

Они остановились возле одной из палат.

Эдран лежал неподвижно. Его кожа всё ещё была серой, но тёмные прожилки почти исчезли. Дыхание оставалось тяжёлым, однако уже не таким прерывистым, как прежде.

Жена сидела рядом, сжимая его руку.

– Он жив, – тихо сказал лекарь. – Пока.

Аня посмотрела на женщину.

– Вы его жена?

Та кивнула, не отпуская руку мужа.

– Как его зовут?

– Эдран.

– Он давно работал на укреплении?

– Почти полгода.

Аня перевела взгляд на лекаря.

– Сколько корня вы потратили?

– Всё, что было.

– В лечебнице?

– На этом уровне.

Она повернулась к нему.

– Всё?

– Последние запасы.

Несколько мгновений Аня ничего не говорила.

Она посмотрела на пустой стол возле кровати. На нём стояли чаши, лежали чистые повязки и несколько использованных флаконов. Один из них был перевёрнут, и на его горлышке засохла тёмная капля.

– Когда вы в последний раз получали поставку?

– Давно.

– Насколько давно?

– Достаточно, чтобы я перестал рассчитывать на неё.

– Почему не запросили новую?

Лекарь усмехнулся без веселья.

– Запрашивал.

– И?

– Сказали, что поставки ограничены. Что нужно ждать очередного распределения.

– Кто отвечает за распределение?

– Не я, капитан.

– Я не спрашивала, кто не отвечает.

Лекарь посмотрел на неё.

– Торговые посредники, склады Лиги, закупщики, люди, которые решают, куда отправить остатки. Слёзный корень не растёт на каждом склоне. Его поставки давно стали делом больших денег.

Аня снова посмотрела на Эдрана.

– Почему он вообще использовал столько Ихора?

Лекарь отвёл взгляд.

– Спросите его заказчика.

– У него есть заказчик?

– У него есть строительный дом, который платит за работу.

Это было почти одно и то же.

– Вы знали, что он использует Ихор?

– Знал, что использует. Не знал, сколько именно.

– А если бы знали?

– Попытался бы остановить.

– Но не остановили.

Лекарь посмотрел на неё без раздражения.

– Капитан, вы пришли сюда искать виновного или понять, почему у меня пустые шкафы?

Аня выдержала его взгляд.

– И то и другое.

– Тогда начните с тех, кто покупает Ихор для рабочих, но не покупает корень для лечебниц.

Аня ничего не ответила.

Она вышла из палаты.

У двери её ждал мужчина в дорогом тёмном плаще. На его пальцах поблёскивали кольца, а на груди висел небольшой серебряный знак торговой гильдии.

Он стоял в стороне от прохода, явно ожидая, когда капитан освободится.

– Капитан Скель.

– Вы заказчик?

– Я представляю строительный дом.

– Ваш рабочий едва не умер.

– Мне сообщили.

– И?

Мужчина посмотрел в сторону палаты.

– Это прискорбно.

Аня остановилась напротив него.

– Прискорбно?

– Капитан, строительство укреплений – опасная работа.

– Опасная работа не означает, что можно отправлять человека в могилу ради нескольких дней экономии.

– Никто не отправлял его в могилу.

– Он лежит за этой дверью и едва дышит.

– Я понимаю.

– Нет. Вы пока только говорите.

Мужчина поправил манжету.

– Эдран получил всё необходимое для работы. Он был предупреждён о рисках.

– Кто его предупреждал?

– Наши мастера.

– Они знали, сколько Ихора он использует?

– Он работал под наблюдением.

– Я спросила не это.

Мужчина вздохнул.

– Капитан, у нас есть обязательства. Укрепление у запад-

ной шахты должно быть завершено в срок. Работа сложная, камень там нестабильный. Мы нанимали одарённых мастеров именно для того, чтобы справиться с задачей быстрее.

– И когда обычной искры оказалось недостаточно, вы решили дать ему больше Ихора?

– Он сам согласился.

– Вы заплатили за усиление?

Мужчина помедлил.

– Всё было оплачено законно.

Аня сделала шаг вперёд.

– Я не спрашивала, законно ли.

Он посмотрел на неё с плохо скрываемым раздражением.

– Капитан, вы не можете возлагать на строительный дом ответственность за каждый риск, на который идёт работник.

– Могу, если этот риск создаётся ради вашего заказа.

– Эдран знал, что делает.

– Он знал, что ему нужно закончить стену.

– И получил за работу соответствующую плату.

– А теперь его жена сидит у кровати и не знает, проснётся ли он завтра.

Мужчина промолчал.

Аня посмотрела на его руки. На пальцах были кольца с аккуратными печатями. Одежда выглядела дорого, сапоги были чистыми, а плащ не знал ни пыли, ни каменной крошки.

– Ихор ему кто дал? – спросила она.

Он замолчал.

Аня сделала ещё один шаг.

– Кто дал ему Ихор?

– Всё было оплачено законно.

– Вы уже говорили.

– Я не вижу смысла повторять одно и то же.

– Тогда скажите что-нибудь другое.

Мужчина медленно выдохнул.

– Его семья получит компенсацию.

Аня почувствовала, как напряглись пальцы.

– Вы не понимаете.

– Напротив. Я прекрасно понимаю устройство нашего государства.

– Нет.

Она наклонилась ближе.

– Вы понимаете цену.

Мужчина посмотрел ей в глаза.

– А разве это не одно и то же?

Аня ничего не ответила.

Она хотела сказать, что цена и ответственность – разные вещи. Что монеты не заменят человеку здоровье, а компенсация не вернёт семье мужа и отца. Но мужчина, судя по его выражению, не собирался этого понимать.

Он уже решил, что выполнил свою часть обязательств.

Остальное его не касалось.

– Я попрошу предоставить мне сведения о закупке Ихора, – сказала Аня. – И список мастеров, которые работали с

Эдраном.

– Это можно обсудить через управляющего.

– Нет. Это можно сделать сегодня.

– Капитан, у вас нет полномочий вмешиваться в частные договоры строительных домов.

– Зато у меня есть полномочия выяснять обстоятельства, при которых люди получают увечья на объектах, связанных с укреплениями княжества.

– Вы преувеличиваете.

– Возможно. Но это решать не вам.

Мужчина поклонился – ровно настолько, насколько требовали приличия.

– Я передам ваше требование.

– Передайте.

Он развернулся и направился к выходу.

Аня проводила его взглядом.

Она не знала, кто именно принимал решение об усилении Эдрана. Не знала, сколько Ихора тот получил и кто контролировал его применение. Но уже понимала, что случившееся нельзя списать на неосторожность одного рабочего.

Слишком многое зависело от тех, кто платил.

И слишком мало – от тех, кто потом лечил последствия.

На верхнем уровне, куда не доходил запах лечебных трав и дешёвого дыма, вечер выглядел иначе.

В доме одного из богатых каэльских торговцев горели де-

сятки свечей. Свет отражался в полированных металлических панелях, на стеклянных кубках и серебряной посуде. За высокими окнами виднелись огни соседних уровней, а далеко внизу мерцали кузницы.

Гости собрались вокруг длинного стола.

Среди них были владельцы мастерских, представители гильдий и несколько людей Дома Скель. Разговор шёл о поставках металла, зерне и ремонте Сети. Один из гостей жаловался на задержки грузов, другой говорил о растущей стоимости угля. Третий утверждал, что инженерные гильдии слишком часто требуют материалы, не предлагая убедительных гарантий.

Хозяин дома слушал, время от времени вставляя короткие замечания.

Он был человеком немолодым, но крепким. Его одежда не выглядела вызывающей, однако качество ткани и украшений говорило само за себя. На пальцах было несколько колец, а на груди – знак одной из торговых гильдий.

– Если продолжать отдавать металл на ремонт старых механизмов, – говорил один из гостей, – скоро нечем будет выполнять заказы.

– Если не ремонтировать механизмы, – ответил другой, – скоро нечем будет доставлять заказы.

– Вопрос не в том, ремонтировать или нет. Вопрос в том, кто заплатит.

Хозяин поднял кубок.

– Вот это уже правильный вопрос.

Несколько человек усмехнулись.

– Впрочем, – продолжил он, – сегодня мы собрались не для того, чтобы весь вечер спорить о железе.

Он сделал знак слугам.

Перед ужином хозяин попросил гостей встать.

Слуги внесли бронзовую чашу.

В ней лежал маленький стеклянный сосуд.

Внутри был Ихор.

Один из гостей улыбнулся.

– Всё ещё из старых запасов?

– Лучший, что можно достать, – ответил хозяин.

– Сейчас это уже немалое достижение.

– Поэтому и не стоит тратить его без повода.

Он снял перчатку.

На внутренней стороне его предплечья были нанесены руны. Старые татуировки пересекались с более свежими линиями, уходившими к ладони. Некоторые знаки были почти незаметны, другие выделялись тёмными чернилами.

– Давно не показывали нам свой дар, – заметил один из гостей.

– Значит, сегодня у вас будет возможность вспомнить, за что вы платите за приглашение.

По столу прошёл негромкий смех.

Хозяин открыл сосуд.

Никто не говорил.

Он осторожно нанёс несколько капель Ихора на руническ ий рисунок. Багровая субстанция медленно растеклась по линиям, задерживаясь в углублениях знаков.

Хозяин закрыл сосуд и поставил его обратно в бронзовую чашу.

Затем приложил ладонь к металлической пластине, лежавшей на отдельной подставке.

Несколько мгновений ничего не происходило.

Потом руны на его предплечье вспыхнули.

По комнате прошёл короткий порыв горячего воздуха. Пламя свечей наклонилось, а металлические чаши на столе тихо задрожали.

Хозяин сжал кулак.

Пластина под его ладонью нагрелась. По её поверхности пробежали тонкие светящиеся линии, сходясь к центру. Металл отозвался негромким звоном.

Гости наблюдали молча.

Один из них поднял брови.

– Впечатляет.

Хозяин убрал руку.

– Ничего особенного. Обычная демонстрация.

– Обычная для тех, кто может позволить себе Ихор.

– Каждый получает то, за что платит.

Он надел перчатку.

– За Каэл, – сказал он.

Гости подняли кубки.

– За Каэл!

Зазвенела посуда.

Слуги начали подавать ужин. Разговоры вернулись к поставкам и договорам, словно ничего особенного не произошло.

Один из гостей наклонился к хозяину.

– Кстати, слышал о каменщике на западной шахте?

– О каком именно?

– Тот, что переборщил с Ихором. Его увезли в лечебницу.

Хозяин пожал плечами.

– Рабочие часто переоценивают себя.

– Говорят, он едва не умер.

– Значит, лекарям придётся постараться.

– А если не выживет?

Хозяин отпил вина.

– Тогда его семье выплатят положенное.

Гость некоторое время смотрел на него.

– Вы ведь понимаете, что такие случаи могут привлечь внимание Дома Скель?

– Если каждый несчастный случай будет привлекать внимание варлорда, у него не останется времени заниматься государством.

Собеседник усмехнулся, но не стал продолжать.

А далеко внизу женщина сидела возле кровати умирающего каменщика.

Они жили в одном городе.

Их разделяло всего несколько уровней горы.

Но между ними лежала пропасть, которую нельзя было измерить ни лестницами, ни глубиной шахт.

Одни могли позволить себе усиливать свой дар.

Другие – только надеяться, что им никогда не понадобится лечение после чужой жадности.

Поздно ночью Аня вернулась в крепость.

Она сняла пояс с оружием, положила его на стойку и подошла к столу. В комнате горела одна свеча. Её света хватало, чтобы рассмотреть карту Каэла, несколько ведомостей и список гарнизонных запасов.

Аня долго смотрела на цифры.

Зерно.

Металл.

Уголь.

Лекарства.

Слёзный корень.

Последняя строка была подчеркнута дважды.

Она сняла с полки небольшую книгу учёта, которую принесла из гарнизонного помещения. В ней были перечислены запасы, полученные разными постами за последние месяцы. Одни записи выглядели полными, другие содержали пометки о задержках и недостаче.

Аня перелистывала страницы.

На одном посту корня оставалось достаточно для обыч-

ных нужд. На другом запас был почти исчерпан. Третий давно не получал поставок.

Она остановилась на последней записи.

Количество было настолько малым, что его едва хватило бы на один серьёзный случай.

Аня отложила книгу.

Ей вспомнилась лечебница. Лицо Эдрана, серые руки, жена у его постели. Потом – мужчина в дорогом плаще, который говорил о компенсации так, словно речь шла о сломанном инструменте.

Она снова посмотрела на список.

Запасов становилось меньше.

Но дело было не только в количестве.

Она не знала, кто именно определял, кому достанется корень. Не знала, как распределялись поставки между лечебницами, гарнизонами и частными заказчиками. Не знала, сколько его оставалось на складах и сколько уже было обещано тем, кто мог заплатить больше.

Аня взяла перо.

Написала короткую записку для отца.

«Нужно проверить запасы корня во всех гарнизонах. Немедленно».

Она остановилась.

Потом добавила:

«Отдельно выяснить, кто имеет право покупать его без ограничений и на каких основаниях распределяются постав-

ки».

Аня перечитала написанное.

Ей не нравилось, что она вынуждена обращаться к отцу с вопросами, на которые должна была бы существовать готовая ведомость. Но сейчас важнее было получить ответы.

Она сложила записку и запечатала её.

Потом снова села за стол.

За окном прогрохотала грузовая платформа.

Звук был привычным.

Аня посмотрела на карту. Металлические линии пересекали княжество, соединяя шахты, склады, мастерские и жилые уровни. Вчера она думала о них как о дорогах, которые нужно защищать. Сегодня всё чаще вспоминала, что по этим дорогам перемещалось не только железо.

По ним двигалась сама жизнь Каэла.

И люди, жившие внутри горы, зависели от множества вещей, которые редко замечали, пока они были в достатке.

От металла.

От угля.

От зерна.

От лекарств.

От Слёзного корня.

Она вспомнила слова лекаря: «Запрашивал».

И его ответ: «Достаточно, чтобы я перестал рассчитывать на неё».

Аня взяла перо и добавила к записке ещё одну строку:

«Проверить, сколько времени потребуется для получения новой поставки. Не принимать устные заверения вместо документов».

Теперь записка выглядела как приказ.

Она положила её поверх списка запасов.

Каэл был построен из железа.

Его стены держались на камне.

Его мастерские питались углём.

Но люди, жившие внутри этой горы, всё чаще зависели от вещей, которых у них становилось меньше.

Аня погасила свечу.

В темноте ещё долго слышался грохот Сети Векторов.

И однажды кому-то придётся решить, кому достанется последняя порция корня.

А кому – нет.

Глава 3. Зерно империи

I. Цена одного зерна

Первый обоз остановился у восточных ворот ещё до рассвета.

Караванщики не стали ждать, пока привратники закончат проверку документов. Они спрыгнули с повозок, укутались в плащи и принялись разминать затёкшие ноги. Лошади тяжело дышали, выпуская в холодный воздух белые облачка пара. На их боках засохла дорожная грязь, а ремни упряжи натёрли кожу до тёмных полос.

На повозках лежали мешки с зерном.

Их было немного.

Слишком мало для каравана, который должен был обеспечить продовольствием целый городской квартал.

Начальник складской стражи вышел из караульного помещения, держа в руках дощечку с печатью Торговой палаты. За его спиной уже собирались грузчики. Они поглядывали на обоз, пытаясь определить, сколько работы предстоит до конца смены.

– Документы.

Караванщик протянул свёрнутый пергамент.

Стражник развернул его, проверил печати и пересчитал

мешки. Затем ещё раз взглянул на документы.

– Здесь указано вдвое больше.

– Остальное сняли на перевалочном складе.

– По чьему приказу?

– По имперскому.

Стражник поднял глаза.

– Империя не указывает количество груза в твоём обозе. Она указывает, сколько ты должен доставить.

– Тогда пусть империя сама привезёт остальное.

Несколько солдат повернулись к караванщику.

Тот тут же опустил голову.

– Я не спорю, господин. Я только передаю, что мне приказали.

Стражник долго смотрел на него, затем снова проверил печати.

– Разгружать.

Рабочие потянулись к повозкам.

Один из них, совсем молодой парень с перевязанной ладонью, подхватил мешок и едва не упал под его тяжестью. Зерно внутри пересыпалось с глухим шорохом.

– Осторожнее! – крикнул надсмотрщик. – Это не камни!

Парень выпрямился и посмотрел на мешок.

Когда-то он видел такие повозки сотнями. Каэл получал зерно из имперских земель регулярно, и никто не считал каждый мешок отдельным богатством. На складах всегда имелись запасы, мельницы работали без перерывов, а пека-

ри могли заранее договариваться о поставках муки.

Зерно было частью привычной жизни.

Теперь даже здесь, у собственных ворот, его встречали так, будто оно было привезено из-за края света.

– Следующий! – надсмотрщик выхватил у него дощечку.

Парень поднял новый мешок.

За его спиной караванщик смотрел на пустеющие повозки.

– Сколько осталось? – спросил он у одного из грузчиков.

– Пока не пересчитали.

– Пересчитай.

– Зачем?

Караванщик посмотрел на него так, что тот сразу замолчал.

– Потому что я не хочу второй раз объяснять, почему привёз меньше положенного.

Грузчик кивнул и принялся считать.

Начальник складской стражи тем временем подошёл к караванщику.

– Следующий обоз когда?

– Не знаю.

– Как это – не знаешь?

– Мне не сообщили.

– Ты должен знать расписание.

– Я знаю, какое расписание было раньше.

Стражник нахмурился.

– А теперь?

Караванщик посмотрел на пустые места между мешками.

– Теперь нам говорят ждать приказа.

– От кого?

– От тех, кто решает, куда пойдёт зерно.

Стражник ничего не ответил.

Он уже понял, что этот человек не скажет больше.

Когда разгрузка закончилась, обоз выглядел почти пустым. Лошади стояли с опущенными головами, а караванщики молча проверяли ремни и крепления. Им предстояло возвращаться тем же путём, по которому они приехали, только теперь повозки почти ничего не везли.

Молодой грузчик снова подошёл к мешкам.

– Это всё?

Надсмотрщик посмотрел на него.

– А ты чего ожидал?

Парень пожал плечами.

– Говорили, что будет больше.

– Много чего говорят.

Он забрал дощечку и направился к складу.

Молодой рабочий остался на месте. Он смотрел, как караванщики разворачивают лошадей, и думал о том, что дома его ждёт мать. Она попросила принести муки, если удастся достать по обычной цене.

Теперь он не знал, что ей сказать.

Ворота закрылись за последней повозкой.

В Каэл привезли зерно.
Но не столько, сколько обещали.
И это было только начало.

II. Императорская воля

В зале Малого совета пахло воском, старым деревом и сушёными цветами.

Высокие окна пропускали тусклый утренний свет. За ними лежала столица Валариса – огромная, шумная, уверенная в собственной незыблемости. На улицах уже двигались повозки, торговцы открывали лавки, а возле дворцовых ворот сменялась стража.

Внутри дворца всё было тише.

Малакор Валарион сидел во главе стола.

Перед ним лежали доклады о поставках, военных расходах и положении на южных рубежах. Несколько листов были испещрены пометками его секретарей. Отдельно лежала ведомость зерновых запасов, которую император уже успел прочитать дважды.

Он не любил, когда ему приносили плохие новости без объяснения причин.

Сегодня причин было слишком много.

– Повторите, – произнёс он.

Министр снабжения поднялся.

– Сокращение поставок в Каэл вызвано необходимостью пересмотреть распределение зерновых резервов. Урожай в двух провинциях оказался ниже ожидаемого. Кроме того, армейские склады требуют пополнения.

– Насколько ниже?

– Почти на одну пятую, государь.

– А армейские расходы?

Министр замялся.

– Возросли.

– Насколько?

– Достаточно, чтобы потребовалось перераспределение.

Малакор медленно отодвинул один из документов.

– Вы принесли мне три страницы слов и ни одной цифры.

Министр побледнел.

– Государь, точные сведения ещё собираются.

– Тогда зачем вы здесь?

Мужчина опустил голову.

Рядом с императором сидел один из его советников. Он осторожно вмешался:

– Сокращение поставок в Каэл вызвало недовольство среди торговых домов. Они опасаются, что задержки нарушат прежние соглашения.

– Прежние соглашения, – повторил Малакор.

Он произнёс эти слова так, словно они были написаны на давно истлевшем пергаменте.

– Каэл получает зерно из имперских запасов. Каэл требует металл для своих мастерских. Каэл требует гарантий безопасности на дорогах. Каэл требует, чтобы Валарис относился к нему как к равному.

Император посмотрел на советника.

– А что получает Империя?

– Торговые пошлины. Поставки металла. Военную поддержку на перевалах.

– И постоянные требования.

Советник промолчал.

Малакор поднялся и подошёл к окну.

Некоторое время он смотрел на столицу. С высоты дворца город казался единым, упорядоченным и спокойным. Улицы пересекались ровными линиями, площади были заполнены людьми, а за крышами домов виднелись башни военных казарм.

Империя не могла позволить себе слабость.

Её границы были протяжёнными. Гарнизоны требовали снабжения, дороги – охраны, а провинции – внимания. Внутри государства хватало людей, которые считали, что император уделяет слишком много внимания одним землям и слишком мало другим.

Малакор знал об этом.

И не собирался давать им повод сомневаться в его решениях.

– Сколько зерна находится в распоряжении армии? – спросил он.

– Достаточно для текущих нужд, государь.

– Я спросил количество.

Министр снабжения назвал цифру.

Малакор выслушал её, не перебивая.

– Сколько необходимо оставить на случай беспорядков в южных провинциях?

– Мы не ожидаем беспорядков.

– Я не спрашивал, ожидаете ли вы их.

Министр снова назвал число.

Император кивнул.

– Эти запасы не трогать. Армейские склады пополнить в первую очередь. Поставки в Каэл оставить на сокращённом уровне до нового распоряжения.

Советник осторожно наклонился вперёд.

– Государь, если сокращение продолжится, в Каэле может начаться продовольственный кризис.

Малакор повернулся.

– А если я отдам зерно Каэлу, а через месяц оно понадобится нашим солдатам?

– Возможно, можно пересмотреть объём поставок постепенно…

– Вы предлагаете мне кормить чужие города за счёт собственных гарнизонов?

– Нет, государь. Я предлагаю не доводить дело до открытого противостояния.

В зале стало тихо.

Малакор подошёл к столу.

– Каэл слишком долго считал, что его положение позволяет ему диктовать условия Империи. Пусть вспомнит, откуда приходит зерно.

Он положил ладонь на доклад.

– Приказ остаётся в силе.

Министр снабжения осторожно собрал документы.

– Следует ли уведомить торговые дома о сроках пересмотра?

– Уведомить, что решение принято.

– А если поступят новые обращения?

– Пусть подают их в установленном порядке.

Советник хотел что-то сказать, но император уже повернулся к следующему документу.

Для Малакора вопрос был решён.

Он не считал себя жестоким. Он считал себя ответственным за Империю. И если ради её безопасности требовалось сократить поставки одному из зависимых княжеств, он был готов это сделать.

Каэл должен был понять, что его положение не даёт ему права требовать бесконечной поддержки.

А если не поймёт – последствия станут его собственной проблемой.

III. Голод начинается с цифр

В Каэле новости о сокращении поставок не вызвали немедленной паники.

Сначала изменились только цифры.

В казначейских книгах уменьшились ожидаемые поступления. На складах стали пересчитывать остатки. Торговцы начали осторожнее отпускать товар, а владельцы мельниц потребовали пересмотреть стоимость помола.

В первые дни большинство жителей почти ничего не заметило.

Хлеб оставался на прилавках. Кухни продолжали работать, а в столовых для рабочих по-прежнему выдавали положенные порции. Люди слышали разговоры о задержках, но воспринимали их как очередную торговую неприятность.

Каэл переживал и не такое.

Но цифры быстро превращались в вещи, которые можно было увидеть.

На рынке исчезли большие мешки зерна.

Затем стали реже появляться телеги с мукой.

Пекари начали уменьшать размер буханок, стараясь не менять цену. Покупатели замечали это, спорили, ругались, но всё равно покупали.

Владельцы небольших лавок перестали обещать поставки на следующий день. Они говорили, что ждут обозы, что

склады не выдают товар в прежнем объёме, что цена может измениться к вечеру.

У одного из прилавков собралась очередь.

Женщина держала за руку мальчика лет семи. Тот смотрел на корзину с хлебом, не отводя глаз.

– Сколько? – спросила она.

Продавец назвал цену.

Женщина пересчитала монеты.

– Вчера было дешевле.

– Вчера зерно было дешевле.

– У меня трое детей.

– А у меня мука сама в печь не падает.

Она положила на прилавок несколько монет.

Продавец посмотрел на них.

– Этого не хватит.

– Тогда дай половину.

– Половину чего?

– Хлеба.

Он отрезал кусок и завернул его в ткань.

Женщина взяла свёрток.

Мальчик посмотрел на неё.

– А папе?

Она не ответила.

За очередью стоял старик в рабочей куртке. Он слышал разговор, но не вмешивался. Когда женщина отошла, старик положил на прилавок две монеты.

– Мне тоже половину.

Продавец вздохнул.

– Скоро будете покупать по ломтям.

– Если будет что покупать, – ответил старик.

Старик забрал хлеб и отошёл к стене. Он долго смотрел на небольшой свёрток, будто пытался понять, как его разделить так, чтобы хватило до следующего дня.

За его спиной очередь продолжала двигаться.

Люди не кричали и не бросались на прилавки. Пока ещё никто не голодал настолько, чтобы забыть о порядке. Но разговоры становились резче, а взгляды – подозрительнее.

Один мужчина требовал объяснить, почему его семье больше не продают привычный объём муки. Другой утверждал, что торговцы придерживают зерно, ожидая повышения цены. Третий говорил, что всё это устроено намеренно.

Никто не знал, кто прав.

Но каждый видел, что хлеб становится меньше, а монет за него просят больше.

На соседней улице закрылась небольшая пекарня. Хозяин вывесил табличку, сообщавшую, что работа временно приостановлена из-за отсутствия муки. Несколько человек остановились возле двери, перечитали объявление и пошли дальше.

Вскоре на складах стали чаще появляться представители городской стражи. Они следили за выдачей запасов и не позволяли толпе скапливаться у ворот. Складские служащие пе-

переписывали ведомости, проверяли печати и пересчитывали мешки после каждой выдачи.

Один из кладовщиков заметил, что за последние дни ему пришлось пересчитать один и тот же запас больше раз, чем за весь предыдущий месяц.

– Думаешь, станет лучше? – спросил его помощник.

Кладовщик закрыл книгу.

– Не знаю.

– А если обозы не придут?

– Тогда будем считать то, что осталось.

Помощник посмотрел на закрытые ворота.

– И что это изменит?

Кладовщик не ответил.

Он знал, что цифры не накормят людей.

Но именно цифры определяли, сколько зерна можно выдать каждому.

IV. Скель

Рурик Скель стоял над картой поставок.

На столе лежали отчёты из городов, складов и гарнизонов. Рядом находились записи Борека о финансовых резервах. Несколько документов были раскрыты, а на полях стояли пометки о сокращённых поставках и задержанных платежах.

Аня стояла у окна.

– Сколько пришло? – спросил Рурик.

– Последняя партия меньше согласованной почти вдвое, – ответил Борек. – Следующая пока не подтверждена.

– А запасы?

– Если оставить прежние нормы выдачи, продовольствия хватит на несколько месяцев. Если сократить – дольше.

Рурик поднял глаза.

– Насколько дольше?

– Зависит от того, насколько сильно сократим.

– Я спросил цифры, Борек.

Казначей положил перед ним лист.

– Вот расчёт.

Рурик пробежал его взглядом.

– Это не расчёт. Это перечень способов, которыми мы можем проголодаться медленнее.

Борек не ответил.

Он стоял по другую сторону стола, придерживая ладонью край ведомости. В его записях были учтены не только склады, но и обязательства перед гарнизонами, мастерскими и городскими службами. Каждая строка означала чей-то паёк, чью-то работу или запас, который уже нельзя было использовать для другой цели.

– Я могу пересчитать ещё раз, – сказал он.

– Не нужно пересчитывать то, чего нет.

– Тогда нужно решить, что мы сокращаем.

Аня отошла от окна.

– Нужно отправить людей за зерном.

– Куда? – спросил Борек.

– На юг. В торговые поселения. К тем, кто ещё готов продавать.

– За серебро?

– Да.

– У нас не хватит серебра, чтобы перекупить весь рынок.

– Тогда предложим металл.

– Металл нужен для ремонта Сети.

– А зерно нужно людям.

Рурик поднял руку, останавливая спор.

– Сколько можем предложить?

Борек назвал объём.

Рурик долго смотрел на карту.

– Отправить предложения. Но гарнизонные запасы не трогать.

– Если мы не сократим выдачу сейчас, потом придётся сокращать сильнее, – сказал Борек.

– Я сказал: гарнизонные запасы не трогать.

– Рурик…

– Солдат, который не ест, не держит стену.

Аня посмотрела на отца.

– А человек, который не ест, не строит город.

Рурик повернулся к ней.

– Я знаю.

– Тогда почему мы всё время говорим о стенах?

Он не ответил сразу.

– Потому что, если стены падут, у нас не останется ничего.

Аня опустила взгляд на карту.

Ей хотелось сказать, что стены уже не защищают людей от голода. Но она промолчала.

Рурик снова обратился к Бореку:

– Подготовь новые нормы распределения. Сначала обеспечиваем гарнизоны, лечебницы и мастерские, без которых город не сможет работать. Остальное распределяем по районам.

– Это вызовет недовольство.

– Любое решение вызовет недовольство.

– А если поставки не восстановятся?

Рурик посмотрел на него.

– Тогда будем решать заново.

Борек собрал бумаги.

Он понимал, что отец и дочь говорят об одном и том же, но видят разные вещи.

Рурик пытался удержать город.

Аня всё чаще смотрела за его пределы.

– Нужно ещё одно распоряжение, – сказал Борек.

Рурик повернулся.

– Какое?

– О закупках. Если мы начнём предлагать металл в обмен на зерно, придётся определить, сколько можем отдать без ущерба для ремонта Сети.

– Согласуй это с Тором.

– Он потребует больше, чем мы можем выделить.

– Тогда объясни ему, что у нас нет другого выбора.

Борек посмотрел на сестру.

– А если он откажется?

– Не откажется, – ответил Рурик.

– Откуда такая уверенность?

– Потому что Тор понимает, что без зерна рабочие не смогут работать. А без рабочих не будет ни ремонта, ни города.

Аня отвернулась к окну.

– Значит, мы будем выбирать между тем, что необходимо сейчас, и тем, что понадобится потом.

– Именно, – сказал Рурик.

Борек сложил бумаги в папку.

Он не стал говорить, что именно так и выглядит плохой расчёт: когда любой вариант оставляет кого-то без необхо-

димого.

V. Зерно и железо

Вечером Рурик вышел на смотровую площадку.

Под ним лежал Каэл.

Внизу работали мастерские. По подвесным линиям двигались грузовые платформы. Из кузниц поднимался дым. На дальнем уровне глухо ударил подъёмный механизм.

Город продолжал жить.

Но теперь Рурик видел то, чего прежде не замечал.

Очереди у складов.

Закрытые лавки.

Людей, которые несли домой слишком маленькие мешки.

Он смотрел на улицы и пытался представить, как быстро привычный порядок может измениться. Сегодня люди покупали половину буханки. Завтра могли перестать покупать совсем. Сегодня торговцы жаловались на цену муки. Завтра могли начать прятать запасы.

Он не хотел думать об этом.

Но должен был.

К нему подошёл Борек.

– Я отправил распоряжения.

– Хорошо.

– Тор просит металл для ремонта центрального узла. Без него работы снова остановятся.

Рурик не обернулся.

– Сколько?

Борек назвал количество.

Рурик закрыл глаза.

Зерно требовало серебра.

Сеть требовала металла.

Гарнизоны требовали продовольствия и оружия.

И всё это было необходимо одновременно.

– Отдай Тору часть металла, – сказал он наконец. – Остальное оставь в резерве.

– Он просил больше.

– Больше у нас нет.

Борек помолчал.

– Ты думаешь, Империя восстановит поставки?

Рурик посмотрел на далёкие огни.

– Малакор не станет морить голодом целое княжество.

– Он уже сократил поставки.

– Это давление. Торг.

– А если это не торг?

Рурик повернулся к брату.

– Тогда мы найдём другой путь.

Борек посмотрел на него.

– Какой?

Рурик не ответил сразу.

Он снова перевёл взгляд на город. Издалека Каэл выглядел таким же, как всегда. Каменные уровни уходили в глубину горы, огни мастерских не гасли, а грузовые линии про-

должали движение.

Но теперь даже привычный грохот Сети звучал иначе.

– Мы не можем позволить себе паниковать, – сказал Рурик.

– Я не предлагаю паниковать.

– Тогда что ты предлагаешь?

– Считать не только то, что у нас есть. Считать то, что мы можем потерять.

Рурик нахмурился.

– Мы этим и занимаемся.

– Нет. Мы считаем запасы. Но пока не считаем, что произойдёт, если они закончатся раньше, чем придёт помощь.

– Помощь придёт.

Борек ничего не ответил.

Он не хотел спорить с братом. Но цифры в его книгах не оставляли места для уверенности.

Рурик снова посмотрел на город.

– Каэл переживал осады, зимы и войны. Он не умрёт из-за нескольких пустых складов.

– Я надеюсь, что ты прав.

Борек хотел спросить, какой именно другой путь они найдут, если Империя не восстановит поставки. Но не спросил.

Внизу продолжала двигаться Сеть Векторов.

Где-то в глубине горы металл скрежетал о металл. Механизмы переносили грузы, как делали это десятилетиями.

Борек не собирался позволить Каэлу умереть из-за

нескольких пустых складов.

VI. Имперский стол

В ту же ночь Малакор ужинал в малом зале дворца.

На столе стояли жареное мясо, хлеб, сыр и кувшины с вином. Слуги меняли блюда почти бесшумно. За окнами столица погружалась в темноту, но дворец продолжал жить привычным порядком.

Император слушал доклад о южных провинциях.

– Старк снова собирает людей? – спросил он.

– Он утверждает, что проводит обычные переговоры с соседними лордами.

– Старк никогда не делает ничего обычного.

– Пока нет оснований обвинять его в подготовке мятежа.

Малакор отломил кусок хлеба.

– Основания появляются тогда, когда уже поздно.

Советник осторожно заметил:

– Южные лорды недовольны сокращением торговых привилегий. Некоторые считают, что решения двора вредят их землям.

– Их земли существуют под защитой Империи.

– Они напоминают, что именно их гарнизоны удерживают южные дороги.

Малакор положил хлеб на тарелку.

– Значит, им следует помнить, кому они присягали.

Советник замолчал.

Император снова посмотрел на доклад.

Внизу страницы стояла короткая запись: «Каэл. Поставки сокращены. Запрос о пересмотре условий ожидается».

Малакор взял перо и написал на полях:

«Без изменений».

Он вернул документ секретарю.

– Следующий вопрос.

– Государь, – осторожно произнёс советник, – если Каэл не примет сокращение поставок, его представители могут обратиться напрямую к торговым домам.

– Пусть обращаются.

– Некоторые торговцы могут счесть это возможностью заключить отдельные соглашения.

– Тогда они будут отвечать за свои решения.

– Это может осложнить отношения с княжеством.

Малакор поднял глаза.

– Отношения уже осложнены.

Советник склонил голову.

– Как прикажете, государь.

Император отодвинул тарелку и взял следующий документ.

Он не считал необходимым возвращаться к вопросу о зерне. Решение было принято. Запасы армии следовало сохранить, а Каэл должен был приспособиться к новым условиям.

Малакор не собирался объяснять каждый свой приказ тем, кто привык получать от Империи больше, чем отдавать

ей.

За окнами дворца столица погружалась в ночь.

В Каэле люди считали оставшиеся мешки зерна.

В Валарисе император считал возможные угрозы.

И ни один из них пока не знал, насколько дорого обойдётся это расхождение.

Потому что зерно ещё можно было купить.

Но доверие между государствами уже начинало исчезать.

Глава 4. Износ

I. Глухой удар

Первый сигнал прозвучал на рассвете.

Тор услышал его ещё до того, как переступил порог главной мастерской.

Глухой металлический удар. Пауза. Второй удар – чуть тише первого. Затем протяжный скрежет, от которого по каменному полу прошла едва заметная дрожь.

Мастер остановился.

Рабочие продолжали заниматься своими делами. Кто-то тащил к наковальне лист железа, двое поднимали тяжёлую балку, у дальнего станка молодой кузнец ругался с помощником. Над всем этим стоял привычный гул Каэла: удары молотов, скрип тележек, шум воды в охлаждающих желобах и низкое дыхание механизмов, скрытых за толстыми каменными стенами.

Но Тор слушал не людей.

Он повернул голову к стене, за которой проходила одна из главных линий Сети Векторов.

Удар повторился.

Мастер снял перчатку и приложил ладонь к камню.

Вибрация пришла не сразу. Сначала он почувствовал сла-

бое дрожание, затем короткий толчок, будто где-то глубоко под мастерской тяжёлая конструкция ударилась о собственную опору.

Тор нахмурился.

– Остановить привод! – крикнул он.

Мастерская не сразу отреагировала.

– Вы меня услышали? Остановить!

Двое рабочих бросились к рычагам. Один из них потянулся к рунической пластине управления, но Тор перехватил его руку.

– Не трогай.

– Но, мастер…

– Я сказал, не трогай.

Он сам положил ладонь на холодный металл.

На поверхности проступали тонкие линии старых знаков. Они были почти стёрты временем, но ещё сохраняли форму. Тор провёл пальцами вдоль одной из насечек.

Слабая вибрация.

Потом ещё одна.

Он прислушался, пытаясь отделить обычный шум механизма от того, что услышал у входа. Сеть никогда не работала совершенно бесшумно. Даже исправные узлы издавали звуки, которые со временем становились привычными. Старые мастера умели различать их почти так же хорошо, как музыканты различают ноты.

Но этот ритм был неправильным.

– Когда началось?

– Ночью, мастер, – ответил старший рабочий. – Сначала только шумело. Потом пошла дрожь.

– Почему не сообщили?

– Думали, обычный износ.

Тор посмотрел на него.

– Обычный износ не меняет ритм.

Он приказал снять защитную панель.

Рабочие принесли инструменты. Один из них поставил переносной светильник, другой освободил крепления. Панель отходила тяжело: металл давно не снимали, и соединения успели покрыться плотным налётом. Когда её наконец отодвинули, из узкого пространства за стеной потянуло сухой пылью и запахом старого железа.

За ней показалась массивная связка металлических деталей.

Часть соединений была покрыта тёмным налётом. На одном из креплений виднелась трещина.

Тор приблизился.

– Фонарь.

Рабочий подал светильник.

Мастер долго изучал повреждение. Трещина начиналась у края крепления и уходила внутрь, скрываясь под соседней пластиной. На первый взгляд она была тонкой, почти незаметной. Но металл вокруг неё уже изменил цвет, а на поверхности проступили следы деформации.

Тор коснулся края трещины тонким измерительным щупом.

– Кто проверял этот узел?

– Бригада второго участка.

– Когда?

– Три недели назад.

– И что написали?

Рабочий достал журнал.

Тор вырвал его из рук и быстро перелистал страницы.

«Незначительное отклонение».

«Повышенная вибрация».

«Требуется плановая замена соединительных элементов».

Он захлопнул журнал.

– Три недели.

– Мастер?

– Три недели назад здесь ещё можно было обойтись заменой нескольких деталей.

Он снова посмотрел на трещину.

– Теперь придётся разбирать весь узел.

Старший рабочий осторожно заглянул за панель.

– Это опасно?

– Сейчас?

– Да.

– Сейчас опасно то, что вы продолжаете задавать вопросы, вместо того чтобы готовить инструмент.

Рабочий выпрямился.

– Что прикажете?

– Снять нагрузку с этого участка. Перекрыть подачу на соседнюю линию. Подготовить опоры. Никто не подходит к креплениям, пока я не проверю их сам.

– Но через соседнюю линию идут грузы для нижних мастерских.

– Знаю.

– Если остановим…

– Я сказал, что знаю.

Тор говорил негромко. Рабочие и без того поняли по его лицу, что дело серьёзнее обычной поломки.

Он ещё раз посмотрел на журнал.

Три недели назад кто-то заметил отклонение и решил, что оно может подождать. Возможно, мастер участка не хотел останавливать линию. Возможно, не хватало деталей. Возможно, он просто привык видеть в каждом новом шуме очередное напоминание о старости Сети.

Тор знал, как это бывает.

Сначала откладывают замену одного крепления. Потом второго. Затем обнаруживают, что нужного металла нет, а остановка механизма нарушит снабжение сразу нескольких мастерских. Каждый раз находится причина подождать ещё немного.

Пока однажды механизм не заставляет остановиться всех.

– Мастер, – позвал молодой инженер. – Если мы снимем нагрузку, куда направить грузы?

Тор посмотрел на него.

– Временно перенаправить на западную ветвь.

– Она выдержит?

– Если не перегрузите её.

– А если перегрузим?

– Тогда будете ремонтировать две линии вместо одной.

Молодой человек кивнул и поспешил выполнять распоряжение.

Тор снова приложил ладонь к металлу.

Слабая вибрация продолжалась.

Он помнил, как после исследования Шаха главные подъёмники снова заработали. Тогда многие решили, что Сеть получила вторую жизнь. И действительно, движение восстановилось, грузы снова пошли между уровнями, а некоторые участки, которые считались почти мёртвыми, вернулись к работе.

Но оживление не означало обновления.

Старые соединения остались старыми. Опоры, десятилетиями державшие нагрузку, не стали крепче. Металл не перестал уставать только потому, что механизмы снова пришли в движение.

Тор снял с пояса небольшой молоток и осторожно ударил по креплению.

Звук вышел глухим.

Он ударил ещё раз, чуть выше.

Ответ был другим.

Мастер медленно убрал инструмент.

– Запишите всё, – приказал он. – Не только трещину. Каждый звук, каждое отклонение, каждую заменённую деталь. И поднимите старые журналы по этому участку.

– За какой срок?

– За всё время, которое найдёте.

– Это займёт несколько дней.

– Значит, начните сейчас.

Он оглядел мастерскую.

Люди уже остановили часть оборудования. Несколько рабочих переносили опоры, другие освобождали проход к механизму. Привычный гул стал тише, и в образовавшейся тишине особенно отчётливо слышался скрежет старого узла.

Тор понял, что сегодняшняя поломка не была неожиданностью.

Неожиданным было лишь то, что она наконец заставила всех обратить внимание.

II. То, что нельзя заменить

К полудню в мастерской собрались инженеры.

На большом столе разложили схемы Сети Векторов. Часть была начерчена на плотной бумаге, часть представляла собой старые металлические пластины с выгравированными обозначениями. Некоторые линии на них уже невозможно было разобрать: знаки стёрлись, края пластин потемнели, а отдельные обозначения не совпадали с теми, которыми пользовались современные мастера.

Тор стоял над ними, опираясь обеими руками о край стола.

– Центральный участок изношен сильнее, чем мы предполагали. Соединительные элементы требуют замены. Несколько опорных конструкций деформированы. Подъёмный механизм работает с перегрузкой.

– Его можно разгрузить? – спросил один из инженеров.

– Можно. Если прекратить движение грузов по двум соседним линиям.

– Тогда остановится снабжение нижних мастерских.

– Я знаю.

– И склады не получат металл.

– Я тоже это знаю.

Инженер замолчал.

Тор указал на другую часть схемы.

– Здесь проблема серьёзнее. Старые крепления больше не выдерживают прежней нагрузки. Мы можем заменить их новыми, но для этого потребуется металл определённого качества.

– У нас есть заготовки.

– Есть. Но они предназначены для ремонта подъёмников.

– Тогда используем их.

– А если откажет подъёмник?

– Тогда будем ремонтировать подъёмник.

Тор медленно выпрямился.

– Вы всё ещё думаете, что у нас бесконечный запас железа?

Никто не ответил.

Он указал на схему.

– Сеть старше нашего княжества. Она связывает шахты, мастерские, склады, жилые уровни и внешние перевалы. Мы пользуемся ею поколениями, но не можем заменить её целиком. Мы даже не понимаем всех её старых соединений.

– Значит, нужно восстановить только основные ветви, – сказал один из инженеров.

– Именно это мы и делаем.

– Тогда проблема решаема.

Тор посмотрел на него.

– Проблема решаема, если нам дадут материалы, людей и время.

– Сколько времени?

Мастер не ответил сразу.

Он перевёл взгляд на схему, где старые линии пересекались, расходились и снова сходились в узлах. Некоторые участки были отмечены как действующие, другие – как временно отключённые. Ещё несколько существовали только на старых чертежах: никто из присутствующих не мог с уверенностью сказать, сохранились ли там механизмы.

– Меньше, чем нам нужно.

– Это не ответ.

– Другого у меня пока нет.

Один из старших инженеров наклонился над схемой.

– Если перенаправить часть грузов на восточную ветвь, центральный участок можно разгрузить.

– На бумаге.

– Что не так?

– Восточная ветвь сама требует ремонта. Мы уже дважды меняли там соединения, а опоры на третьем пролёте держатся на временных креплениях.

– Они выдержат.

– Ты это проверял?

Инженер не ответил.

Тор провёл пальцем по линии.

– Вот здесь проходит руда. Здесь уголь. Здесь инструменты. По этой ветви идут грузы к нижним складам. Если мы перенаправим всё на восток, там вырастет нагрузка. А если восточная ветвь откажет, мы потеряем сразу два направле-

ния.

– Тогда оставить её без нагрузки?

– И остановить поставки?

– Временно.

Тор посмотрел на инженера.

– У нас уже слишком много временного.

Он снял со стола одну из металлических пластин и повернул её к свету.

– Посмотрите на это соединение. Кто-нибудь из вас знает, почему здесь использован такой сплав?

– Старый металл.

– Это не ответ.

– Мы не располагаем сведениями о составе.

– Именно. Мы не знаем, как его изготовили. Не знаем, почему он выдерживает такую нагрузку. Не знаем, какие свойства заложены в старых соединениях. Мы можем измерить толщину, проверить твёрдость, посмотреть на трещины. Но мы не можем просто пойти в кузницу и заказать точно такую же деталь.

– Значит, нужно изготовить замену с похожими свойствами.

– Мы уже пытались.

– И?

– Две детали разрушились после первой недели работы.

В комнате стало тихо.

Тор положил пластину на стол.

– Мы можем сделать крепление прочнее. Можем увеличить толщину, добавить опоры, изменить форму соединения. Но тогда нагрузка перейдёт на соседние элементы. Сеть не состоит из отдельных деталей, которые можно менять по одной. Всё связано.

– И что ты предлагаешь?

– Не обещать того, чего мы не умеем делать.

Один из инженеров скрестил руки.

– Ты хочешь сказать, что мы бессильны?

– Я хочу сказать, что мы должны перестать путать ремонт с восстановлением.

Он обвёл взглядом присутствующих.

– Мы можем поддерживать отдельные ветви. Можем менять доступные детали. Можем снижать нагрузку и отключать то, что не требуется для жизни города. Но вернуть Сеть в состояние, в котором она была до нашего рождения, мы не можем.

– Тогда нужно составить список приоритетов.

– Он уже составлен.

– Значит, пересмотреть.

Тор устало потёр переносицу.

– Пересматривайте. Только помните: каждая линия, которую вы исключите из списка, обслуживает не только механизм. За ней стоят шахтёры, грузчики, кузнецы, семьи, склады и дороги. Вы отключите одну ветвь – и где-то перестанут получать уголь. Остановите другую – не придёт руда. Третья

лишит мастерские инструментов.

– А если оставить всё как есть, остановится вся Сеть.

– Именно поэтому я здесь.

Он взял журнал и положил его рядом со схемой.

– Мне нужны люди, которые будут проверять каждый узел. Не только те, что уже скрипят. Мне нужны новые заготовки, металл, уголь и возможность останавливать участки без долгих согласований.

– Ты просишь слишком много.

– Нет. Я прошу то, без чего работа невозможна.

– А мы должны решить, откуда это взять.

– Тогда решайте быстрее.

Тор собрал схемы.

Впервые за долгое время ему показалось, что инженеры смотрят не на Сеть, а на него самого. Будто он мог одним распоряжением заставить древние механизмы работать, а отказ отдать металл был лишь следствием его неумения договариваться.

Он не собирался оправдываться.

Выйдя из мастерской, Тор остановился у открытого прохода. За стеной двигалась грузовая платформа. На ней лежали ящики с инструментами, несколько мешков угля и связка металлических прутьев.

Платформа медленно прошла мимо.

Тор проводил её взглядом.

Он знал, что каждый такой рейс приближает изношенные

механизмы к следующему отказу. И всё же понимал: остановить движение сразу означало бы обречь город на ещё более быстрый распад.

Оставалось выбирать, что сломается позже.

И сколько людей успеют подготовиться к этому.

III. Совет

Рурик принял Тора и нескольких старших инженеров после полудня.

В зале уже находился Борек. Перед ним лежали расчёты расходов и перечень доступных запасов. Аня стояла у стены, изучая схему Сети.

Тор не стал тратить время на приветствия.

– Нам нужны материалы.

Борек поднял глаза.

– Сколько?

Тор назвал количество.

Казначей посмотрел на расчёт.

– Нет.

– Ты даже не выслушал.

– Я вижу цифры.

– Тогда посмотри внимательнее.

Тор развернул схему и положил её на стол.

– Если мы не заменим соединительные элементы центрального участка, нагрузка продолжит разрушать соседние узлы. Если остановим линию полностью, нижние мастерские останутся без снабжения. Если будем работать по частям, потеряем время.

– Сколько времени? – спросил Рурик.

– Не знаю.

– Приблизительно.

– Месяц. Возможно, меньше. Возможно, больше.

Борек коротко усмехнулся.

– Прекрасно. Значит, ты просишь отдать металл, которого у нас нет, ради ремонта, срок которого ты не можешь назвать.

Тор резко повернулся к нему.

– Я прошу металл, потому что без него Сеть окончательно встанет.

– А я говорю, что этот металл нужен не только тебе. Он нужен гарнизонам. Он нужен для изготовления инструментов. Он нужен для ремонта подъёмного оборудования.

– И всё это перестанет иметь значение, если грузы перестанут двигаться.

– А если мы отдадим тебе всё, что осталось, и через месяц остановится другой участок?

– Тогда хотя бы этот будет работать.

– До следующей поломки?

Тор ударил ладонью по столу.

– Ты хочешь, чтобы я починил древнюю Сеть обещаниями?

– Я хочу, чтобы ты перестал требовать невозможного.

– Невозможного? – Тор посмотрел на Рурика. – Тогда скажи мне, что ты собираешься делать, когда подъёмники остановятся. Когда шахты не смогут отправлять руду. Когда мастерские останутся без угля и металла. Когда твои солдаты

будут ждать оружие, которое некому изготовить.

Рурик поднял руку.

– Достаточно.

Тор замолчал.

– Сколько металла необходимо для первоочередного ремонта? – спросил Рурик.

Мастер назвал количество.

Борек открыл свои записи.

– Если выделить столько, придётся сократить поставки двум мастерским и перенести ремонт нескольких военных подъёмников.

– Насколько это опасно?

– Сейчас – терпимо. Если возникнет ещё одна неисправность, последствия будут непредсказуемыми.

Рурик посмотрел на Тора.

– Ты можешь гарантировать, что после ремонта центральный участок выдержит нагрузку?

– Нет.

– Можешь гарантировать, что он проработает хотя бы три месяца?

Тор помедлил.

– Нет.

– Тогда что ты можешь гарантировать?

Тор на мгновение прикрыл глаза.

– Что без ремонта он не выдержит и этого.

В зале повисла тишина.

Аня подошла ближе к столу.

– А если мы не выделим металл?

Тор посмотрел на неё.

– Тогда придётся снижать нагрузку ещё сильнее. Остановить часть грузовых линий. Перенести снабжение на другие ветви, если они выдержат. Но это не решит проблему.

– Сколько времени у нас будет?

– Не знаю.

– Ты уже говорил.

– Потому что это правда.

Аня посмотрела на схему.

– Какие линии можно отключить без немедленного ущерба для жилых уровней?

Тор указал несколько участков.

– Эти. Но некоторые из них обслуживают шахты и склады. Если мы их отключим, придётся доставлять грузы другим способом.

– Людьми?

– Людьми, телегами, ручными подъёмниками. Чем угодно, что останется в распоряжении.

– Это замедлит снабжение.

– Да.

– И увеличит потребность в рабочих.

– Да.

– А рабочие будут заняты ремонтом.

Тор кивнул.

– Именно.

Аня некоторое время молчала.

– Значит, каждый ремонт будет отнимать людей у других работ.

– Пока у нас не появятся дополнительные люди и материалы, да.

Борек закрыл одну из книг.

– Дополнительные люди тоже требуют продовольствия.

– Я знаю, – ответил Тор.

– И если мы направим рабочих на ремонт, кто будет добывать уголь?

– Я знаю.

– А если угля станет меньше, кузницы не смогут изготовить новые детали.

– Борек, я знаю!

Казначей выдержал его взгляд.

– Тогда не требуй от меня сделать вид, что этих проблем не существует.

Тор отвернулся.

Рурик снова посмотрел на расчёты.

– Выделить металл.

Борек закрыл книгу.

– Хорошо.

– Но только для центрального участка. Остальные работы временно приостановить.

– Это решение ударит по другим мастерским.

– Я знаю.

– И по военным заказам.

– Я знаю, Борек.

Рурик повернулся к инженерам.

– Начинайте работы немедленно. Но если обнаружите повреждения, которые потребуют новых материалов, сначала докладывайте мне.

Тор кивнул.

Он получил то, за чем пришёл.

Но выражение его лица не изменилось.

– Ещё одно, – сказал мастер.

Рурик поднял глаза.

– Что?

– Мне нужна возможность останавливать повреждённые участки без ожидания разрешения из дворца.

– Если остановка повлияет на снабжение?

– Я сообщу.

– А если не сообщишь?

Тор посмотрел на него.

– Тогда отвечать буду я.

Рурик помолчал.

– Хорошо. Но каждый такой случай должен быть записан и передан Бореку.

– Согласен.

– И ещё. Никаких самовольных перенаправлений грузов.

– Если линия начнёт разрушаться, я не стану ждать, пока

ты подпишешь бумагу.

– Я сказал, что ты можешь остановить повреждённый участок. Но не можешь самостоятельно менять снабжение всего города.

Тор сжал челюсть.

– Тогда назначь человека, который будет принимать решения вместе со мной.

– Борек.

Казначей поднял голову.

– Я не инженер.

– Зато ты знаешь, что именно перевозят по каждой линии и кому это нужно.

Борек некоторое время смотрел на брата, затем кивнул.

– Хорошо. Но если я скажу, что груз нельзя перенаправить, ты не станешь делать вид, будто не слышал.

– Если ты скажешь, что нельзя, я потребую объяснить почему.

– Этого достаточно.

Совет закончился без примирения.

Тор забрал схемы и вышел вместе с инженерами. Борек остался собирать документы. Аня проводила взглядом уходящего мастера, затем посмотрела на отца.

– Ты понимаешь, что мы только что отложили одну проблему за счёт другой?

Рурик не ответил.

– Мы дали металл Тору, – продолжила она. – Но отняли

его у других мастерских.

– У нас не было другого решения.

– У нас всегда есть другое решение. Просто иногда оно хуже.

Рурик посмотрел на дочь.

– Ты предлагаешь оставить Сеть без ремонта?

– Нет.

– Тогда что?

Аня перевела взгляд на схему.

– Я хочу знать, сколько ещё таких решений нам придётся принять, прежде чем мы поймём, что не можем удержать всё.

Рурик медленно сел.

– Пока мы не знаем, что не можем.

– А если узнаем слишком поздно?

Он поднял глаза.

– Я не позволю этому случиться.

Аня ничего не ответила.

Она уже понимала, что отец говорит не только о Сети. Он говорил о городе, о доме, о власти, о людях, которые смотрели на него и ждали, что он найдёт выход.

Но уверенность не могла заменить металл.

IV. Пустые склады

После совета Борек задержался в зале.

Он собирал документы, когда Рурик подошёл к нему.

– Ты слишком резко разговаривал с Тором.

– Потому что он требует больше, чем у нас есть.

– Он пытается сохранить Сеть.

– Я пытаюсь сохранить всё остальное.

Рурик посмотрел на брата.

– Я понимаю.

– Нет. Ты слышишь цифры, но не видишь, что за ними стоит.

Борек положил перед ним одну из книг.

– Здесь металл. Здесь уголь. Здесь зерно. Здесь расходы на гарнизоны. Здесь материалы для ремонта. Если мы выполним все требования, резервов не останется.

Рурик провёл пальцем по строкам.

– Мы не можем оставить Сеть без ремонта.

– Я и не предлагаю.

– Тогда в чём твой выход?

Борек помолчал.

– Нужно решить, какие части государства мы можем поддерживать, а какие придётся оставить.

Рурик нахмурился.

– Ты предлагаешь бросить города?

– Я предлагаю перестать делать вид, будто мы способны содержать всё сразу.

– Каэл не состоит из одних складов и подъёмников.

– Именно поэтому я и говорю о людях.

Рурик медленно сел.

– Ты думаешь, всё настолько плохо?

– Я думаю, что мы слишком долго считали запасы бесконечными.

Он открыл другую книгу.

– Посмотри. За последний период мы потратили больше металла, чем получили. Часть ушла на ремонт подъёмников, часть – на инструменты, часть – на военные заказы. Остальное распределили между мастерскими. Сейчас Тор просит ещё.

– Он получил необходимое.

– Для одного участка.

– Потому что этот участок важнее остальных.

– Сегодня важнее. А завтра?

Рурик не ответил.

Борек перевернул страницу.

– С углём похожая история. Добыча не успевает за расходом. Мы можем сократить работу некоторых кузниц, но тогда замедлим изготовление деталей. Если не сократим – быстрее исчерпаем запасы.

– Мы найдём новые поставки.

– Откуда?

– Из внешних поселений.

– Им тоже нужно платить.

– Заплатим.

Борек посмотрел на него.

– Чем?

Рурик поднял глаза.

– У нас есть серебро.

– На зерно. На лекарства. На оплату караванов. На содержание гарнизонов. И теперь ещё на металл, если мы не хотим отдавать его из резервов.

– Ты предлагаешь ничего не покупать?

– Я предлагаю перестать считать, что серебро решает всё.

Борек закрыл книгу.

– Мы можем продолжать закупки, пока у нас есть чем платить. Но поставщики уже знают о сокращении зерна. Они видят, что Каэл зависит от внешних дорог. Они будут поднимать цену, требовать предоплату, менять условия.

– Это торговля.

– Да. Только теперь торгуемся не мы.

Рурик поднялся и подошёл к окну.

– Что ты предлагаешь?

– Нужно пересмотреть снабжение всех уровней. Составить список того, что действительно необходимо. Определить, какие работы можно остановить, какие склады объединить, какие запасы перевезти ближе к жилым районам.

– Это вызовет недовольство.

– Недовольство уже есть.

– Если мы начнём закрывать мастерские, люди решат, что город рушится.

– А если не начнём, они узнают об этом, когда перестанут работать подъёмники.

Рурик обернулся.

– Ты говоришь так, будто уже всё решил.

– Я ничего не решил. Я пытаюсь показать тебе, что выбор всё равно придётся сделать.

Борек собрал бумаги.

– И теперь каждый день промедления делает ремонт дороже.

Рурик ничего не ответил.

Борек направился к выходу.

У двери он остановился.

– Брат, нам нужно поговорить не только о том, как удержать Каэл.

– О чём ещё?

Борек посмотрел на него.

– О том, что мы будем делать, если не удержим.

Он вышел, не дожидаясь ответа.

Рурик остался один.

На столе лежали ведомости, схемы и распоряжения. Каждая бумага требовала решения. Каждая цифра была связана с чем-то конкретным: с работой кузницы, с пайком гарнизона, с грузом зерна, с ремонтом подъёмника.

Он снова посмотрел на карту.

Каэл был большим городом, но его жизнь держалась на множестве связей. Стоило нарушить одну – и последствия расходились дальше, чем можно было увидеть с первого взгляда.

Рурик провёл рукой по лицу.

Он знал, что Борек не преувеличивает.

Но принять это означало признать, что прежние способы управления больше не работают.

А к такому признанию он пока не был готов.

V. Три месяца

Тор вернулся в мастерскую ближе к вечеру.

Рабочие уже разобрали часть механизма. На полу лежали снятые металлические детали. Несколько мастеров проверяли крепления, другие готовили новые заготовки. У стены стояли ящики с инструментами, а рядом лежали старые чертежи, поднятые из архивного помещения.

Тор снял плащ и повесил его на крюк.

– Как продвигается?

Старший рабочий указал на разобранный узел.

– Сняли два соединения. Одно придётся полностью заменить. Второе можно восстановить.

– Проверяли соседние?

– Пока нет.

– Почему?

– Не хватило людей.

Тор посмотрел на него.

– Тогда найди людей.

– Все свободные мастера уже здесь.

– Значит, отзови их с другого участка.

– Там тоже работа.

– Здесь авария.

Рабочий кивнул и ушёл.

Тор подошёл к столу, где лежали детали. Он взял одну

из них и осмотрел край. Металл был старым, но сохранился лучше, чем он ожидал. Поверхность покрывали следы прежних ремонтов, а возле отверстий виднелись мелкие насечки.

Он положил деталь рядом с новой заготовкой.

Разница была очевидна.

Новая деталь выглядела крепче, но Тор не был уверен, что она выдержит ту же нагрузку. Старое соединение имело форму, которую современный мастер не стал бы повторять. Возможно, оно было рассчитано на распределение усилия иначе. Возможно, в нём использовали особый сплав. Возможно, конструкция опиралась на свойства соседних элементов.

Он не знал.

И это злило его больше всего.

Молодой инженер подошёл к нему.

– Мастер, мы обнаружили ещё одно отклонение.

– Где?

– На соседнем соединении.

Тор взял фонарь и спустился к механизму.

Повреждение было небольшим.

Пока.

Он провёл пальцами по краю металлической детали. Затем приложил к ней измерительный инструмент.

– Записать.

– Какое значение?

Тор назвал цифры.

Инженер внёс их в журнал.

– Это тоже износ?

– Да.

– Насколько серьёзный?

– Пока терпимый.

Молодой человек посмотрел на него.

– Вы говорите так, будто это хорошая новость.

Тор поднял глаза.

– В нашей работе, парень, хорошая новость – когда трещина ещё не стала разломом.

Он выпрямился и оглядел механизм.

– Проверить все соединения в этом секторе. Не только те, что рядом с повреждением. Если найдёте ещё отклонения, отмечайте отдельно.

– Сколько времени у нас есть?

– На проверку?

– Нет. Вообще.

Тор посмотрел на него.

– Ты уже слышал разговоры?

– Все слышали. Говорят, что Сеть снова может остановиться.

– Люди всегда говорят.

– А вы?

Мастер помолчал.

– Я говорю, что у нас много работы.

– Но вы же знаете, сколько она займёт.

– Нет.

– Почему?

– Потому что я не знаю, сколько ещё повреждений мы найдём.

Молодой инженер опустил взгляд на журнал.

– А если их слишком много?

Тор посмотрел на него.

– Тогда будем решать, что ремонтировать первым.

– А остальное?

– Остальное подождёт.

– А если не сможет?

Тор не ответил сразу.

Он оглядел мастерскую. Вокруг работали люди. Горели горны. Искры летели над наковальнями. По стенам ползли отблески огня, а за толстыми каменными перегородками продолжала двигаться Сеть.

Каэл ещё держался.

Но Тор уже видел, сколько всего требовалось, чтобы он продолжал стоять.

– Тогда придётся искать другой способ, – сказал он наконец.

– Какой?

– Пока не знаю.

Инженер кивнул и вернулся к работе.

Тор поднялся к столу, открыл журнал и написал:

«Центральный участок: аварийное состояние. Ремонт начат. Дополнительные повреждения выявлены. Требуется по-

стоянное наблюдение».

Он помедлил, затем ниже добавил:

«Срок службы при текущей нагрузке не установлен».

Мастер закрыл книгу.

В этот момент к нему подошёл старший инженер.

– Мастер, пришло распоряжение из казначейства. Металл выделят, но только в объёме, который согласован на совете.

– Знаю.

– Остальные заготовки остаются в резерве.

– Знаю.

– Если потребуется больше…

– Сначала доклад.

Инженер помолчал.

– Борек просил передать, что новые заявки будут рассматриваться отдельно.

Тор посмотрел на него.

– Передай Бореку, что металл не всегда можно выдать по заявке. Иногда его нужно отдать до того, как механизм остановится.

– Я передам.

– И ещё. Пусть пришлёт мне список всех грузов, которые можно перенаправить с центрального участка.

– Он уже готовит.

Тор кивнул.

Снова раздался глухой металлический удар.

На этот раз он не стал приказывать остановить механизм.

Он просто долго слушал.

Удар повторился.

Затем механизм продолжил работать, будто ничего не произошло.

Тор смотрел на него и думал о трёх месяцах.

Оценка Эрика после запуска Шаха не давала покоя. Примерно столько, по его словам, могло хватить запасов в резервуарах. Но даже если бы этот срок оказался точным, он ничего не говорил о состоянии самой Сети. Механизмы могли выдержать меньше. Могли отказать раньше. Могли продолжать работать, пока одна из незаметных трещин не превращалась в разрушение целого узла.

Три месяца казались большим сроком только тем, кто не отвечал за ремонт.

Тор знал, что каждый день будет уходить на проверку, разборку, поиск деталей и попытки заставить старое железо служить ещё немного.

Он снова открыл журнал.

На свободном месте рядом с последней записью поставил маленькую отметку.

Не предупреждение.

Не вывод.

Просто знак, что к этому узлу придётся вернуться.

За стеной продолжала двигаться Сеть Векторов.

А Тор вернулся к работе.

Глава 5. Чужие сведения

I. Человек без герба

Гаррет не любил дождь.

В Каэле он всегда превращался в грязную ледяную воду, которая стекала по каменным стенам, забивалась под воротник и оставляла на одежде запах сырости. В такие дни город казался ещё мрачнее обычного. Каменные переходы темнели, лестницы становились скользкими, а на нижних уровнях вода собиралась в неглубокие лужи, через которые приходилось перешагивать даже тем, кто хорошо знал дорогу.

Он стоял под навесом старой торговой галереи и наблюдал за людьми.

Мимо проходили рабочие. Двое грузчиков спорили из-за сломанной тележки. Торговка прятала товар под промасленной тканью. На верхнем уровне медленно двигалась грузовая платформа. Её металлические колёса постукивали на стыках направляющих, и каждый такой звук заставлял Гаррета невольно поднимать глаза.

В последнее время он стал замечать подобные вещи.

Раньше гул Сети был просто частью города. Он не обращал внимания на отдельные удары, скрежет и остановки. Теперь же, после разговоров о ремонте и сокращении поставок,

каждый непривычный звук казался предвестником очередной неприятности.

Гаррет посмотрел на часы.

Опаздывал.

Он поправил воротник и ещё раз проверил внутренний карман плаща. Там лежал небольшой свёрток с бумагами.

Ничего особенного. Несколько выписок из казначейских записей, сведения о задержках поставок и перечень материалов, необходимых для ремонта Сети Векторов.

Он не считал это предательством.

По крайней мере, раньше не считал.

Сведения, которые он передавал, не были военными тайнами. Он не сообщал расположение гарнизонов, не раскрывал планы обороны, не передавал приказы Рурика. В его бумагах были цифры, которые и без того обсуждали в казначействе: сколько зерна не пришло, какие поставки задержались, сколько металла запросили инженеры.

Гаррет убеждал себя, что такие сведения не могут навредить.

К тому же ему обещали вознаграждение.

Сначала речь шла о небольших суммах. Потом стали появляться дополнительные просьбы. Нужно было уточнить, какие мастерские получают металл, какие линии требуют ремонта, насколько быстро Дом Скель реагирует на нехватку материалов.

Гаррет не задавал лишних вопросов.

Он был помощником казначея, а не советником князя. Его положение позволяло видеть документы, но не давало права принимать решения. Он годами работал с цифрами, которые другие люди называли скучными, и привык считать себя человеком, чья работа никому не интересна за пределами казначейства.

Теперь кто-то был готов платить за его знания.

– Вы ждёте кого-то?

Гаррет обернулся.

Перед ним стоял мужчина в сером дорожном плаще. Лицо ничем не примечательное, голос спокойный. На одежде не было ни герба, ни знака торгового дома.

– Возможно, – ответил Гаррет.

– Тогда, вероятно, мы ждём одного человека.

Мужчина протянул руку.

Гаррет не сразу отдал свёрток.

– Я рассчитываю, что договорённость останется в силе.

– Разумеется.

– Мне нужны гарантии.

– Вы уже получали их.

– Я получил обещания.

Незнакомец чуть склонил голову.

– Разница между обещанием и гарантией обычно заключается в том, насколько человек готов ждать.

Гаррет помолчал, затем передал бумаги.

Мужчина убрал их под плащ.

– Есть ещё кое-что, – сказал Гаррет. – В казначействе обсуждают новые ограничения. Если поставки зерна продолжат сокращаться, руководство начнёт пересматривать расходы на содержание Сети.

– Это уже известно.

– Откуда?

Незнакомец посмотрел на него.

– Вы задаёте слишком много вопросов для человека, который хочет получить своё вознаграждение.

Гаррет напрягся.

– Я не шпион.

– Конечно.

– Я не передаю военные сведения.

– Вы передаёте то, что считаете несущественным.

– Это не одно и то же.

– Для вас – возможно.

Мужчина сделал шаг назад.

– До следующей встречи.

– Когда?

– Когда появится необходимость.

– Мне нужно знать, когда ждать следующую выплату.

Незнакомец остановился.

– Вы уже получили больше, чем заслужили за несколько листов бумаги.

– Мы договаривались о другом.

– Мы договаривались о том, что вы будете полезны.

Гаррет сжал челюсть.

– Я выполняю свою часть.

– Пока.

Мужчина развернулся и растворился среди прохожих.

Гаррет остался под навесом.

Дождь усилился. Вода стекала с края крыши, разбиваясь о каменные плиты. Он посмотрел на пустую ладонь и почувствовал неприятное беспокойство. В последнее время встречи становились короче, вопросы – конкретнее, а ответы – всё туманнее.

Он попытался вспомнить, когда именно всё изменилось.

Вначале его спрашивали о ценах и поставках. Потом – о запасах. Затем появились вопросы о Сети, о ремонтных бригадах, о решениях казначейства. Ни один из них не казался особенно опасным. По отдельности все сведения выглядели обычными хозяйственными данными.

Но теперь, когда Гаррет мысленно складывал их вместе, получалась картина, которую он предпочёл бы не видеть.

Кто-то собирал сведения о том, насколько слаб Каэл.

И этот кто-то находился далеко за пределами гор.

Гаррет поправил плащ.

Он мог прекратить встречи. Мог отказаться от следующих поручений. Мог прийти к Бореку и рассказать, что передавал документы неизвестным людям.

Но тогда пришлось бы объяснять, зачем он это делал.

И почему не сообщил раньше.

Он представил лицо казначея, когда тот узнает правду, и почувствовал, как неприятно сжался живот.

Деньги ему были нужны.

И возможность покинуть Каэл тоже.

Он давно хотел уехать в Окхейвен. Там, как ему казалось, можно было начать другую жизнь. Не считать чужие расходы, не выслушивать бесконечные споры о поставках, не зависеть от решений людей, которые даже не замечали, сколько работы выполняют их подчинённые.

Он убедил себя, что всё ещё контролирует ситуацию.

Пока он шёл обратно к казначейству, город продолжал жить обычной жизнью. На верхнем уровне грузчики разгружали телегу. У торговой лавки спорили покупатели. По подвесной линии медленно двигалась платформа.

Гаррет смотрел на неё и думал, что через несколько месяцев всё может измениться.

Но он не знал, что люди, которым он передавал бумаги, уже использовали его сведения для расчётов.

И что для них он был не союзником, а всего лишь источником информации.

II. За пределами гор

В Синтерисе дождя не было.

Над столицей висело низкое серое небо. Ветер гнал пыль по широким улицам, а на стенах казённых зданий развевались чёрные знамёна с гербом Блэквудов.

Город выглядел строгим и сдержанным. Здесь не любили лишнего шума, не приветствовали праздные разговоры и не поощряли людей, которые задавали вопросы, не имея на то полномочий. В зданиях военного ведомства работали до позднего часа, а курьеры перемещались между учреждениями по маршрутам, известным лишь посвящённым.

В одном из закрытых помещений лежали документы, привезённые из разных частей Эретоса.

За столом сидели несколько человек.

Во главе находился Каэлан Блэквуд.

Он внимательно изучал доклад.

– Последние сведения из Каэла, – произнёс он.

Стоявший напротив офицер кивнул.

– Переданы через внешние контакты. Источник не знает, кому в действительности служит.

– Надёжность?

– Достаточная для общей картины. Но отдельные сведения требуют проверки.

Каэлан перевернул страницу.

– Сеть Векторов?

– Состояние хуже, чем предполагалось. Центральные участки требуют ремонта. Материалов не хватает. Казначейство ограничивает расходы.

– Зерно?

– Поставки сокращены. Внутренние резервы ещё позволяют удерживать положение, но запасы уменьшаются.

Каэлан отложил бумаги.

– Значит, всё развивается быстрее.

– Да, господин.

– А что с нашей операцией?

Офицер замялся.

– Первоначальная задача выполнена частично. Воздействие на инфраструктуру оказалось успешным, однако последствия пока трудно оценить.

Каэлан посмотрел на него.

– Я не просил оценивать последствия. Я спросил, что происходит.

– Каэл вынужден направлять ресурсы на восстановление. Это ослабляет его возможности.

– Хорошо.

Офицер не ушёл.

– Есть ещё один вопрос.

– Говори.

– Мы получили сведения, что руководство Каэла рассматривает дополнительные меры по защите Сети.

– Это ожидаемо.

– Но если они сумеют восстановить основные участки…

Каэлан поднял руку.

– Не нужно объяснять мне, что произойдёт, если они сумеют.

Он снова посмотрел на документы.

– Продолжайте наблюдение. Нам важно знать, какие решения принимает Дом Скель, сколько ресурсов они готовы потратить и насколько глубоко понимают происходящее.

– А если они обнаружат вмешательство?

– Тогда мы узнаем, насколько хорошо они умеют отличать врага от собственной неисправности.

Офицер поклонился.

Каэлан остался сидеть над бумагами.

Он не испытывал ненависти к Каэлу. Для него это было государство, занимавшее важное положение на карте. Его крепости, мастерские и дороги имели значение ровно до тех пор, пока служили чьим-то интересам.

Сильный Каэл был неудобен.

Ослабленный – полезен.

Исчезнувший – непредсказуем.

Последняя мысль задержала его взгляд на карте.

Он провёл пальцем вдоль горных границ.

– Посмотрим, – тихо произнёс он.

– Господин? – переспросил офицер, который ещё не успел выйти.

– Ничего. Можешь идти.

Когда дверь закрылась, Каэлан снова взял доклад.

В нём были перечислены последствия, которые уже можно было наблюдать: задержки поставок, нехватка металла, сокращение ремонтных работ. Отдельно отмечалось, что Дом Скель пока сохраняет контроль над ситуацией, а казначейство продолжает выполнять распоряжения.

Это было важно.

Каэлан не собирался торопить события. Давление должно было оставаться достаточно сильным, чтобы противник тратил силы на внутренние проблемы, но не настолько очевидным, чтобы заставить его отказаться от привычных решений и перейти к открытой мобилизации.

В этом и заключалась трудность.

Слишком слабое воздействие не давало результата.

Слишком сильное могло вызвать последствия, которые уже нельзя было контролировать.

Он позвонил в небольшой колокольчик.

Через несколько мгновений вошёл секретарь.

– Пригласить Тита Флавия, – распорядился Каэлан. – И передать, что мне нужен полный технический отчёт.

– Немедленно?

– Да.

Секретарь поклонился.

Каэлан вернулся к карте.

Горная страна на ней казалась небольшой. Несколько кре-

постей, множество шахт, дороги, проходившие через перевалы, и город, расположенный в глубине каменных склонов.

Но он знал, что карта не показывала главного.

Сеть Векторов была не просто дорогой для грузов. Она связывала жизнь Каэла. Пока она работала, княжество могло перемещать людей, металл, уголь и продовольствие между уровнями. Если движение нарушалось, последствия расходились далеко за пределы повреждённого участка.

Именно поэтому операция имела смысл.

Не требовалось захватывать крепости.

Не требовалось отправлять войска через перевалы.

Достаточно было заставить Каэл тратить собственные силы на борьбу с проблемами, которые он не мог быстро устранить.

Но теперь Каэлан хотел знать, насколько далеко зашёл этот процесс.

И не стал ли он опаснее, чем предполагалось.

III. Техническая составляющая

В другом здании Синтериса Тит Флавий изучал отчёт о состоянии каэльской инфраструктуры.

Перед ним лежали схемы, выдержки из наблюдений и записи, собранные за несколько месяцев.

Он не был политиком.

Его интересовали результаты.

Тит сидел за широким столом, заваленным бумагами. Рядом стояли несколько небольших ящиков с образцами металлических деталей. Часть из них была привезена из торговых поселений, часть – получена через посредников. На некоторых сохранились следы старых креплений, на других были заметны повреждения.

Помощник положил перед ним новый лист.

– Последние сведения.

Тит не сразу поднял голову.

– Откуда?

– Через внешние контакты.

– Я вижу. Что именно?

– Каэльские инженеры обнаружили повреждение центрального участка. Начат ремонт. Выделение металла согласовано с Домом Скель.

Тит протянул руку.

– Дай сюда.

Он прочитал сообщение, затем сравнил его с предыдущими записями.

– Здесь неверная оценка, – сказал он.

Помощник наклонился над столом.

– Какая именно?

– Они считают, что повреждение можно компенсировать перераспределением нагрузки.

– Разве нельзя?

– На короткое время – возможно. Но это не устраняет причину.

Тит перевернул лист.

– Их мастера умеют ремонтировать то, что понимают. Но Сеть старше их государства. Они не знают всех её особенностей.

– Значит, ремонт не поможет?

– Я этого не говорил.

Он снял очки и потёр переносицу.

– Они могут восстановить отдельные участки. Могут заменить повреждённые элементы. Могут временно вернуть прежнюю производительность.

– Тогда в чём проблема?

Тит посмотрел на помощника.

– В том, что они будут ремонтировать одну часть, пока другая продолжит изнашиваться.

Он снова склонился над схемой.

На ней были отмечены несколько линий, пересекавших

центральную часть Каэла. Тит провёл пальцем по одной из них.

– Вот этот участок.

– Да.

– Он соединяет нижние мастерские с распределительными складами?

– Согласно сведениям, да.

– А этот?

– Подъёмники и грузовые площадки.

Тит задержал палец на пересечении.

– Если центральный участок будет остановлен, часть нагрузки перенаправят сюда.

– Вероятно.

– А эта ветвь уже перегружена.

Помощник посмотрел на схему.

– Откуда это известно?

– Из прежних наблюдений. Здесь уже были отклонения.

– Но мы не знаем, насколько серьёзные.

– Поэтому я и говорю, что нам нужны новые сведения.

Тит отложил схему.

– Их инженеры не глупы. Не стоит недооценивать их только потому, что они работают с древней конструкцией, которую не понимают полностью. Они умеют находить обходные решения. Если один участок выходит из строя, они могут перераспределить грузы. Если не хватает металла, они будут менять конструкцию.

– Это может сорвать операцию?

Тит посмотрел на него.

– Это может изменить её ход.

– Разница?

– Большая. Срыв означает, что мы не получили результата. Изменение хода означает, что результат может оказаться не таким, каким мы его рассчитывали.

Он взял другой документ.

– Здесь указано, что Дом Скель выделил металл на ремонт центрального участка. Это означает, что они понимают серьёзность повреждений и готовы жертвовать другими работами ради восстановления.

– Значит, они ещё способны действовать.

– Конечно. Не путай нехватку ресурсов с отсутствием воли.

Тит сделал пометку на полях.

– Передайте, что наблюдение необходимо продолжать. Особенно за решениями их инженеров.

– А если они начнут подозревать диверсию?

– Подозрение ещё не доказательство.

– Если они найдут следы вмешательства?

Тит медленно поднял голову.

– Тогда нам придётся оценивать, что именно они нашли.

– И что делать?

– Не торопиться.

Он снова склонился над бумагами.

На полях он сделал короткую запись:

«Состояние Сети нестабильно. Ремонт возможен. Полное восстановление под вопросом».

Тит посмотрел на эту фразу.

Она казалась ему точной.

Он не знал, что в Каэле Тор уже обнаружил новые повреждения. Не знал, что ремонт центрального участка выявит дополнительные дефекты, а казначейство будет вынуждено снова выбирать, кому достанется металл.

И не знал, что время, которое они рассчитывали выиграть, могло оказаться гораздо короче.

– Ещё кое-что, – сказал помощник.

Тит не поднял головы.

– Говори.

– Источник спрашивает о следующей встрече.

– Какой источник?

– Тот, через которого поступают казначейские сведения.

Тит отложил перо.

– Ему уже передали ответ.

– Он требует гарантий.

– Он получает вознаграждение?

– Да.

– Тогда пусть продолжает работать.

– Он может отказаться.

Тит посмотрел на помощника.

– Почему?

– Говорит, что встречи стали опаснее. Его начали проверять на службе.

– Кто?

– Казначей.

Тит на мгновение задумался.

– Насколько глубоко?

– Пока неизвестно.

– Тогда не увеличивайте число встреч. Не задавайте ему вопросов, которые могут заставить его подозревать, что его используют.

– А если он потребует прекратить?

– Тогда оценим, что он успел передать и чем располагает.

Помощник кивнул.

Тит снова вернулся к отчёту.

Он не считал Гаррета важной фигурой. Это был всего лишь человек, имевший доступ к документам и нуждавшийся в деньгах. Таких источников в разных странах было немало. Одни служили из убеждений, другие – из страха, третьи – из жадности. Большинство не понимали, частью какой работы становились их сведения.

Но Тит знал, что даже незначительный источник может оказаться полезным, если правильно оценивать полученные данные.

Он закрыл папку.

– Передайте Каэлану, что техническая оценка готова.

– Что именно ему сказать?

– Что повреждение Сети подтверждено. Ремонт начат. Дальнейшие последствия пока неясны.

– И всё?

– И всё.

Тит снова посмотрел на схему.

В Каэле Тор уже приказал проверить соседние соединения, и инженерам ещё предстояло обнаружить новые дефекты. А одно из решений, принятых в Синтерисе, вскоре приведёт к последствиям, которых никто из присутствующих пока не предвидел.

IV. Дорога назад

Гаррет вернулся в казначейство после полудня.

В коридорах было непривычно многолюдно. Служащие переносили документы, гонцы ждали ответов, а у дверей кабинета Борека собралась небольшая очередь.

Кто-то спорил с писарем из-за задержанного распоряжения. Другой служащий держал в руках несколько ведомостей и пытался выяснить, почему одна из поставок не была включена в общий расчёт. У стены стоял посыльный, ожидавший подписи на документе для складской стражи.

Гаррет прошёл мимо, стараясь не смотреть на остальных.

– Гаррет.

Он остановился.

Борек стоял в дверях.

– Зайди.

Гаррет почувствовал, как напряглась спина.

– Сейчас?

– Я приглашаю тебя на прогулку?

Гаррет вошёл.

На столе лежали книги учёта. Борек сидел за ними, но не писал. Перед ним были раскрыты две ведомости, рядом стояла небольшая стопка бумаг, перевязанная шнуром.

– Где ты был утром?

– На складе.

– На каком?

– На восточном.

– Зачем?

– Проверял документы по последней поставке.

Борек посмотрел на него.

– И что обнаружил?

– Несоответствия в количестве.

– Какие?

Гаррет назвал несколько цифр.

Борек выслушал, затем открыл одну из книг.

– Интересно. Потому что на восточном складе сегодня работала другая группа. Твоего имени в журнале нет.

Гаррет почувствовал, как пересохло во рту.

– Возможно, я перепутал день.

– Возможно.

Борек закрыл книгу.

– Ты давно работаешь со мной, Гаррет.

– Да, господин.

– Я знаю, когда ты врёшь.

Гаррет отвёл взгляд.

Борек не стал продолжать.

Он смотрел на помощника, пытаясь понять, насколько далеко тот зашёл. Несоответствие было небольшим. Само по себе оно могло объясняться ошибкой, небрежностью или попыткой скрыть прогулку в рабочее время. Но в последние дни Борек уже видел несколько странностей.

Отдельные записи о поставках не совпадали с копиями, хранившимися в казначействе. Некоторые сведения появлялись у людей, которым не следовало знать о внутренних обсуждениях. Вопросы, задаваемые торговыми посредниками, становились слишком точными.

Пока всё это не складывалось в доказательство.

Но Борек не любил совпадений, особенно когда они касались денег и документов.

– Ты передавал кому-нибудь сведения из казначейства? – спросил он.

Гаррет поднял глаза.

– Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Борек откинулся на спинку кресла.

– Подумай, прежде чем отвечать.

– Я не понимаю, о чём вы.

– Хорошо. Тогда объясню. В последнее время некоторые люди за пределами Каэла знают о наших запасах больше, чем должны. Они знают, какие материалы мы выделяем инженерам, какие поставки задерживаются и какие решения обсуждаются на совете.

– Это торговые сведения. Их и так знают многие.

– Не все.

– Поставщики общаются между собой.

– Возможно.

Борек взял одну из бумаг.

– Но здесь указаны объёмы, которые ещё не были утверждены. А здесь – сведения о заявке, которую я даже не успел передать в архив.

Гаррет молчал.

– Ты работал с этими документами?

– Да.

– У тебя был доступ?

– Был.

– Кто ещё мог их видеть?

– Служащие казначейства. Писари. Люди, которые готовили копии.

– Назови их.

Гаррет начал перечислять.

Борек слушал внимательно, не перебивая. Он знал большинство этих людей. Некоторые служили при казначействе много лет. Другие недавно получили должности. Само по себе наличие доступа ещё ничего не означало.

Когда Гаррет закончил, Борек закрыл книгу.

– Можешь идти.

– Это всё?

– Пока.

Гаррет не сразу повернулся к двери.

– Вы мне не доверяете?

Борек посмотрел на него.

– Доверие не требует вопросов. Работа требует точности.

– Я всегда выполнял свою работу.

– Надеюсь, что так.

Гаррет вышел из кабинета.

Он прошёл по коридору, стараясь не ускорять шаг. Только когда оказался за поворотом, позволил себе выдохнуть.

Борек ничего не доказал.

Но он уже подозревал.

Гаррет понимал, что теперь нужно быть осторожнее. Нельзя было больше передавать документы лично. Нельзя было встречаться в одном и том же месте. И, главное, нельзя было допустить, чтобы казначей узнал о человеке в сером плаще.

Он остановился у окна.

Внизу проходили рабочие. Один из них нёс ящик с инструментами, другой толкал тележку. На дальнем уровне грузовая платформа двигалась медленнее обычного.

Гаррет смотрел на неё и думал, что всё это могло бы его не касаться.

Если бы он уехал раньше.

Если бы у него были деньги.

Если бы он не согласился на первую встречу.

Он опустил голову и пошёл дальше.

В кабинете Борек ещё некоторое время сидел неподвижно.

Затем открыл отдельную книгу, куда заносил несоответствия, обнаруженные за последние дни.

Он не написал имя Гаррета.

Пока нет.

Вместо этого отметил даты, номера документов и людей, имевших доступ к каждой записи.

Если помощник действительно передавал сведения, Борек хотел знать, кому именно. И если это было нечто большее, чем обычная торговая утечка, поспешное обвинение могло уничтожить единственную возможность понять, что происходит.

Он закрыл книгу и позвал писаря.

– Найди мне копии всех последних ведомостей по Сети.

– Всех?

– Всех, к которым имел доступ Гаррет.

– Это займёт время.

– Тогда начни сейчас.

– А если часть документов уже в архиве?

– Подними архив.

Писарь поклонился.

Борек снова посмотрел на закрытую дверь.

Он не хотел верить, что человек, которому он доверял работу, мог передавать чужим людям сведения о Каэле.

Но верить или не верить было не его обязанностью.

Его обязанностью было выяснить правду.

V. Трещина в железе

Вечером Тор снова спустился к центральному участку Сети.

Рабочие закончили замену одного из соединений. Механизм пока не запускали.

Мастер проверил крепления, осмотрел новые детали и приказал очистить площадку.

– Готовы? – спросил старший инженер.

– Ещё нет.

Тор подошёл к старой опорной конструкции.

На ней была едва заметная отметина. Он провёл по ней пальцем и нахмурился.

– Кто проверял эту часть?

– Мы, мастер.

– Когда?

– Сегодня утром.

– И что?

– Всё в пределах нормы.

Тор снова посмотрел на отметину.

Она была тонкой, почти незаметной.

Но проходила там, где металл испытывал постоянную нагрузку.

– Запишите, – сказал он. – Повторная проверка после запуска.

– Вы думаете, она связана с основной неисправностью?

– Я думаю, что слишком много вещей начали происходить одновременно.

Он отступил от конструкции.

– Запускать только после моего приказа.

Старший инженер кивнул.

Тор осмотрел соседние крепления. На одном из них обнаружилась старая царапина. На другом – небольшая деформация, которую можно было принять за след прежнего ремонта. Он не стал делать выводов, но приказал отметить оба места в журнале.

– Мастер, – сказал инженер, – если мы будем проверять каждую отметину, работа остановится.

– Если не будем, однажды остановится всё.

– Но у нас нет времени.

Тор посмотрел на него.

– Тогда не трать его на разговоры.

Инженер отвернулся и позвал рабочих.

Они продолжили проверку.

Тор поднялся по лестнице к верхней площадке. Там было холоднее. Сквозняк тянул из дальнего прохода, где располагался один из грузовых переходов. Мастер остановился возле перил и посмотрел на город.

Над ним темнело небо. Вдалеке загорались огни мастерских, а по подвесной линии медленно двигалась грузовая платформа.

Каэл продолжал работать.

Люди продолжали трудиться, спорить, покупать хлеб, ругаться с надсмотрщиками и возвращаться домой. В кузницах гасили последние горны, на складах закрывали ворота, а на рынках торговцы убирали непроданный товар.

Никто из них не знал, что за пределами гор уже изучают их слабости.

Никто не знал, что сведения, которые казались Гаррету безобидными, стали частью чужого расчёта.

И никто пока не понимал, насколько тесно старый износ переплёлся с чужим вмешательством.

Тор опустился на ступеньку и достал из кармана небольшой блокнот.

Он записал несколько наблюдений: состояние центрального участка, отметины на опорах, необходимость повторной проверки после запуска. Затем добавил ещё одну строку – проверить старые записи по соседним ветвям.

Он хотел понять, насколько далеко распространялись повреждения.

Мастер закрыл блокнот.

К нему подошёл молодой инженер.

– Всё готово.

– Проверили соединения?

– Да.

– Опоры?

– Да.

– Нагрузка снята?

– Снята.

Тор ещё раз посмотрел на механизм.

– Запускайте.

Рабочий потянулся к рычагу.

Сначала ничего не произошло.

Затем внутри конструкции раздался низкий гул. Он усилился, прошёл через опоры и заставил металлические пластины слегка дрогнуть. Механизм медленно пришёл в движение.

Тор не отводил взгляда.

Первый оборот прошёл ровно.

Второй – тоже.

На третьем послышался короткий скрежет.

– Стоп! – приказал мастер.

Рабочий немедленно остановил привод.

– Что случилось?

Тор подошёл к соединению.

Он проверил крепление, затем осмотрел новую деталь. Видимых повреждений не было.

– Повторить.

– Мастер?

– Повторить. На меньшей нагрузке.

Инженер кивнул.

Механизм снова запустили. На этот раз он работал медленнее. Гул оставался ровным, хотя временами внутри кон-

струкции возникали короткие толчки.

Тор ждал.

Наконец он поднял руку.

– Остановить.

Рабочие выполнили приказ.

– Что скажете? – спросил старший инженер.

Тор не ответил сразу.

– Пока держится.

– Значит, ремонт удался?

Мастер посмотрел на него.

– Значит, мы заменили одно соединение.

– Но участок работает.

– Пока.

Он снял перчатку и приложил ладонь к металлу.

Вибрация постепенно стихала.

– Запишите время запуска, нагрузку и все отклонения. Завтра повторим проверку. До тех пор не увеличивать движение грузов.

– Это задержит снабжение.

– Лучше задержать снабжение, чем потерять линию.

Инженер кивнул.

Тор поднялся по лестнице.

На верхнем уровне уже почти никого не осталось. Только несколько рабочих возвращались из мастерских, да стражники обходили переходы. Где-то далеко ударил колокол, отмечая конец смены.

Мастер остановился у выхода.

Он подумал о том, что сегодня сделал всё, что мог. Нашёл повреждение, добился выделения металла, заменил соединение, проверил работу механизма. Но ни одно из этих действий не давало гарантии, что завтра не появится новая трещина.

Каэл ещё оставался на ногах.

Но теперь у его врагов было кое-что, чего не было у него самого.

Время.

И они уже использовали его.

Тор посмотрел на тёмные проходы, уходившие в глубину горы.

Он не знал, кто именно стоял за происходящим. Не знал, были ли новые повреждения следствием старости Сети, ошибок прежних мастеров или чужого вмешательства. Пока у него не было доказательств.

Но одно он знал точно.

Слишком много неисправностей появлялось одновременно.

И если это действительно было не случайностью, то враг находился гораздо ближе, чем хотелось бы думать.

Он поправил плащ и направился к выходу.

За его спиной Сеть Векторов продолжала работать.

Пока.

Глава 6. Корень Окхейвена

I. Город, который покупает всё

Окхейвен просыпался раньше солнца.

Ещё не рассеялся ночной туман над гаванью, а в нижних доках уже гремели лебёдки, скрипели деревянные настилы и перекликались грузчики. Между рядами складов двигались телеги, запряжённые тяжёлыми лошадьми. На причалах пахло солью, мокрой пенькой, рыбой и пряностями. Над всем этим стоял особый запах города – запах денег, которые здесь переходили из рук в руки быстрее, чем успевали высохнуть чернила на договорах.

С моря входили корабли. Одни привозили зерно, другие – металл, третьи – ткани, красители, древесину и редкие товары из дальних земель. Встречали их не приветствиями, а вопросами о пошлинах, страховках и сроках разгрузки.

В Окхейвене даже погода имела цену.

Если ветер задерживал судно, портовые сборы не исчезали. Если шторм разбивал груз, страховые дома начинали разбирать документы. Если капитан опаздывал с поставкой, торговец требовал объяснений, а тот, в свою очередь, предъявлял претензии перевозчику.

Здесь почти никто не говорил о случайностях. Даже

несчастье старались превратить в статью расходов.

На восточной стороне гавани, за двумя рядами таможенных башен, располагался квартал Лекарственных торгов. Его здания отличались от обычных складов: каменные стены, узкие окна, тяжёлые двери с несколькими замками. Здесь не хранили зерно или шерсть. Здесь держали товары, которые требовали особого учёта, особых условий хранения и особой охраны.

Слёзный корень.

Внутри одного из хранилищ старший смотритель проверял опечатанные ящики. Каждый был отмечен знаком Торговой Лиги и номером партии. Рядом стоял писарь, сверявший записи с книгой поступлений.

Смотритель не торопился. Он проверял печати одну за другой, сравнивал номера, осматривал защитные прокладки и только после этого ставил отметку в ведомости.

– Последняя партия из южных владений? – спросил он.

– Последняя, – ответил писарь. – Дальше в книге пусто.

– Совсем?

– Есть обещание поставки. Но нет ни даты, ни подтверждения.

Смотритель снял очки и протёр их краем рукава.

– Обещаниями склады не наполнишь.

Он открыл один из ящиков. Внутри, среди мягкой защитной ткани, лежали небольшие герметичные сосуды. В каждом находились высушенные части растения, тщательно упа-

кованные и защищённые от влаги.

Смотритель проверил печать, затем закрыл крышку.

– Сколько осталось?

– Если выдавать по действующим нормам, запасов хватит на четыре месяца.

– А если спрос вырастет?

Писарь промолчал.

Смотритель посмотрел на него поверх очков.

– Я задал вопрос.

– Тогда меньше.

– Насколько меньше?

– Не могу сказать. Всё зависит от числа новых заказов и от того, какие партии придут.

– А если не придут?

Писарь опустил глаза в книгу.

– Тогда запасы будут расходоваться быстрее.

Смотритель некоторое время смотрел на ящики.

Он знал, что спрос на Слёзный корень не был постоянным. В спокойные месяцы его покупали лечебницы, состоятельные семьи и те, кто мог позволить себе заранее позаботиться о последствиях применения Ихора. Но стоило где-нибудь участиться случаям тяжёлого истощения, как за товаром начинали обращаться люди, которые прежде не интересовались его наличием.

Корень не возвращал человеку утраченный дар. Не делал слабую искру сильнее и не превращал неумелого мага в ма-

стера. Его назначение было другим: помочь справиться с последствиями чрезмерного применения Ихора.

Но именно поэтому его отсутствие могло оказаться страшнее, чем отсутствие многих других товаров.

– Запиши: никакой дополнительной выдачи без разрешения Совета.

– Даже для госпиталей?

– Особенно для госпиталей. Они первыми попросят больше положенного.

Писарь поднял голову.

– Но там лечат людей.

– А здесь хранят запас, которого должно хватить не только на сегодняшний день.

Смотритель произнёс это без злости. Просто так здесь работали. В Окхейвене даже сострадание должно было проходить через бухгалтерию.

Он проверил замки на ящиках и передал ключи охраннику.

– Двойная проверка при каждой выдаче. Никаких исключений по устному распоряжению.

– Понял.

– И ещё. Сверить остатки с прошлой ведомостью. Мне нужна разница по каждой партии, а не общая цифра.

Писарь записал приказ.

Смотритель направился к выходу. У дверей он остановился и оглянулся на ряды ящиков.

Окхейвен привык считать себя городом, который способен купить всё необходимое.

Но даже самый богатый торговый дом не мог продать товар, которого не существовало.

И это начинало беспокоить смотрителя сильнее, чем любые разговоры о повышении цен.

II. Совет торговых домов

В зале торговых советников уже собрались представители крупнейших домов.

Под высокими сводами горели масляные лампы. На стенах висели карты морских путей, торговых маршрутов и владений Лиги. Длинный стол из тёмного дерева был покрыт документами, печатями и небольшими табличками с именами присутствующих.

Люциус Морван сидел во главе стола.

Перед ним лежали три отчёта: о состоянии казны, о поставках Слёзного корня и о торговом обороте за последний квартал. Он читал их уже второй раз, но цифры от этого не становились приятнее.

– Продолжайте, – сказал он.

Старший казначей поднялся.

– За последний квартал поступления от морской торговли сократились. Особенно заметно падение по северным маршрутам. Несколько купеческих домов задерживают расчёты, объясняя это нестабильностью поставок и ростом страховых выплат.

– Названия.

Казначей перечислил четыре дома.

Люциус сделал пометку.

– Дальше.

– Поставки Слёзного корня сократились. Последние партии поступили не в полном объёме. Поставщики ссылаются на проблемы с урожаем и перевозками.

– Насколько сократились?

– Почти на треть по сравнению с предыдущим периодом.

За столом послышался недовольный гул.

Один из представителей торговых домов наклонился вперёд.

– Это не просто лекарственный товар. На нём держится целый сектор торговли. Если мы не сможем выполнять контракты, покупатели обратятся к другим посредникам.

– А если мы продолжим продавать в прежних объёмах, – ответил казначей, – внутренние запасы закончатся раньше, чем появится новая партия.

– Значит, нужно поднять цену.

– Цена уже выросла.

– Тогда ещё раз.

– И кто её купит?

– Те, кому она нужна.

– Это не ответ на вопрос, – вмешался другой советник. – Если цена станет слишком высокой, покупатели начнут искать обходные пути. Мы потеряем контроль над рынком.

– Контроль над рынком не накормит наши склады.

– Но именно контроль позволяет нам удерживать поставщиков.

Люциус поднял руку, и спор стих.

– Мы не будем решать вопрос повышением цены, пока не поймём, сколько товара у нас действительно осталось. Сначала – полный пересчёт запасов. Затем – проверка всех действующих контрактов. Ни один сосуд не покинет хранилище без соответствующей записи.

– Покупатели потребуют объяснений, Первый Консул.

– Пусть требуют.

– Некоторые из них представляют влиятельные дома.

– Тогда им будет проще понять письменное распоряжение.

Люциус закрыл отчёт.

– Продолжайте.

Следующий докладчик говорил о зерне, древесине и металле. Затем обсуждали пошлины, задолженности и задержанные суда. Каждый вопрос тянул за собой другой, словно узлы на старом канате.

Поставки зерна были важны не только для торговли. Город рос, а вместе с ним увеличивалось число людей, которые зависели от привозного продовольствия. Окхейвен не мог обеспечить себя всем необходимым. Он покупал зерно, древесину, металл, сырьё для мастерских и множество других товаров.

Торговля была не просто источником богатства.

Она была способом существования.

– По зерну есть ещё одно обстоятельство, – сообщил казначей. – Несколько поставщиков требуют предоплату.

– Почему?

– Они считают, что условия перевозки стали рискованнее. Кроме того, часть судов задерживается, а страховые дома пересматривают тарифы.

– Значит, они хотят получить деньги раньше, чем доставят товар.

– Именно.

– И что мы ответили?

– Пока ничего. Ждём решения Совета.

Люциус посмотрел на остальных.

– Мы не станем оплачивать все поставки заранее. Разделить контракты. Проверить надёжность перевозчиков. Условия по каждой партии согласовывать отдельно.

Один из советников покачал головой.

– Так мы потеряем часть поставщиков.

– Лучше потерять поставщика, чем деньги и груз одновременно.

– Но если другие дома предложат им лучшие условия…

– Значит, они готовы принять больший риск.

– А если этот риск окажется оправданным?

Люциус посмотрел на него.

– Тогда мы узнаем об этом позже. Сейчас у нас нет оснований ставить казну на одну карту.

Советник откинулся на спинку кресла.

Разговор продолжился.

В Окхейвене редко спорили о том, правильно ли посту-

пать. Здесь чаще спорили о том, какой из вариантов принесёт меньше потерь. Даже благотворительность имела смету, а помощь лечебницам обсуждали рядом с расходами на содержание портовых башен.

Но вопрос Слёзного корня был особенным.

Он затрагивал не только прибыль.

Лига контролировала значительную часть торговли этим товаром. Её склады, договоры и посредники определяли, куда направлялись партии и по какой цене их могли приобрести покупатели. Монополия давала Совету власть, но вместе с властью приносила ответственность, которую не все хотели признавать.

Если корень становился недоступен, последствия ощущали люди далеко за пределами Окхейвена.

Люциус прекрасно это понимал.

Но он видел и другую опасность: если Совет начнёт принимать решения под давлением каждого нового сообщения о нехватке, Лига потеряет управляемость.

Он предпочитал сначала получить полную картину.

Именно в этот момент в зал вошла Изабелла Морван.

III. Два взгляда на один город

Изабелла пришла в зал, когда совет уже переходил к обсуждению расходов на флот.

Она не стала извиняться за опоздание. Сняла перчатки, положила их рядом с креслом и взглянула на разложенные документы.

– Вы уже обсудили запасы?

– Обсудили, – ответил Люциус.

– И что решили?

– Провести проверку и пересмотреть контракты.

Изабелла перевела взгляд на казначея.

– Сколько времени займёт проверка?

– Не менее десяти дней.

– Десять дней, – повторила она. – За это время можно потерять ещё несколько судов и половину доверия поставщиков.

Люциус откинулся на спинку кресла.

– У тебя есть другой план?

– Есть. Прекратить выплаты по второстепенным проектам. Заморозить строительство двух новых торговых причалов. Пересмотреть расходы на содержание представительств за морем. Освободившиеся средства направить на закупку продовольствия и пополнение запасов Слёзного корня.

– Ты предлагаешь остановить строительство?

– На время.

– Договоры уже подписаны.

– Договоры не накормят город.

– Но их нарушение ударит по нашей репутации.

Изабелла чуть наклонила голову.

– Репутация не заменит помощь тем, кто уже пострадал от чрезмерного воздействия Ихора.

За столом стало тихо.

– Ты говоришь о запасах для лечебниц? – спросил Люциус.

– Я говорю о запасах для тех, кто не может позволить себе покупать Слёзный корень на открытом рынке. У нас есть обязательства перед городом.

– У нас есть обязательства перед всеми, кто ведёт с нами дела.

– Именно поэтому я предлагаю сохранить торговлю, а не изображать благополучие.

Люциус посмотрел на неё долгим взглядом.

– Ты хочешь, чтобы Совет принял чрезвычайные меры на основании неполных сведений.

– Нет. Я хочу, чтобы Совет перестал ждать, пока сведения станут полными.

– Осторожнее, Изабелла.

– Я достаточно осторожна. Именно поэтому пришла сюда, а не отправила распоряжения напрямую.

Несколько советников опустили глаза.

Люциус заметил это. Заметил и то, как Изабелла не смотрела на него, когда говорила о городе. Она обращалась ко всему столу, словно заранее проверяла, кто из присутствующих готов поддержать её слова.

– Мы не будем менять бюджет сегодня, – произнёс Первый Консул. – Сначала получим полную картину.

– Тогда хотя бы останови новые расходы до окончания проверки.

– Нет.

Изабелла медленно убрала перчатки в карман.

– Хорошо. Тогда я внесу предложение на следующем заседании.

– Можешь внести.

– И потребую голосования.

Люциус не ответил.

Совет продолжил работу, но прежнего порядка уже не было. Люди говорили тише. Одни поглядывали на Люциуса, другие – на Изабеллу. Вопрос о Слёзном корне постепенно превратился в вопрос о том, кто должен определять будущее Лиги.

Изабелла не стала продолжать спор.

Она понимала, что открытое столкновение сейчас ничего не даст. У Люциуса оставались полномочия Первого Консула, а Совет не был готов поддержать резкую смену порядка. Но она также видела, что некоторые представители домов уже прислушиваются к её словам.

Им не нравилось, что расходы продолжают расти, пока поставки сокращаются. Не нравилось, что казначейство требует ждать, а торговые дома вынуждены самостоятельно решать проблемы, которые раньше закрывались решениями Совета.

Изабелла собрала перчатки и поднялась.

– Я хочу получить копии последних ведомостей по Слёзному корню, – сказала она казначею.

– Они будут готовы после сверки.

– Когда?

– Через несколько дней.

– Завтра.

Казначей посмотрел на Люциуса.

Первый Консул не вмешался.

– Постараемся, госпожа.

– Не старайтесь. Подготовьте.

Она направилась к выходу.

Когда двери закрылись, один из советников осторожно произнёс:

– Гранд-Адмирал всё чаще вмешивается в вопросы казначейства.

Люциус посмотрел на него.

– Она имеет право участвовать в заседаниях.

– Разумеется.

– Тогда не вижу проблемы.

Советник опустил глаза.

Люциус снова раскрыл документы.
Он знал, что проблема существует.
Просто пока не собирался называть её вслух.

IV. Цена лекарства

После заседания Изабелла спустилась к нижним причалам.

Её сопровождали двое морских офицеров. Они шли позади, не вмешиваясь в разговоры и не привлекая внимания.

На пристани пахло смолой и холодной водой. Корабли разгружались медленно: часть команд жаловалась на задержки выплат, часть отказывалась принимать новые контракты без предоплаты. Грузчики переносили ящики, проверяли крепления и ругались из-за очередности разгрузки.

Изабелла остановилась возле грузовой площадки.

Рабочие перекатывали бочки с одного настила на другой. Неподалёку стояла женщина в сером платке, держа за руку худого мальчика. Перед ними находился торговец в дорогом пальто.

– Я уже объяснял, – говорил он. – Цена изменилась.

– Но вчера вы назвали другую, – ответила женщина.

– Вчера была другая партия.

– У меня есть деньги только на прежнюю цену.

Торговец развёл руками.

– Тогда вам придётся искать другого продавца.

Женщина посмотрела на мальчика.

– Ему нужно немного. Лекарь сказал, что без этого...

– Я не лекарь, госпожа. Я торговец.

Изабелла остановилась.

– Что продаёте?

Торговец повернулся. Увидев её, он сразу выпрямился.

– Леди Морван. Слёзный корень.

– По какой цене?

Он назвал сумму.

Изабелла не изменилась в лице.

– Это выше установленной.

– Последняя партия. Риск перевозки, хранение, пошлины...

– Вы покупали её по старому тарифу?

Торговец замялся.

– Разумеется, но...

– Значит, вы решили получить дополнительную прибыль на дефиците.

– Я веду законную торговлю.

– Пока ведёте.

Она повернулась к офицеру.

– Запишите имя торгового дома и номер разрешения. Проверить происхождение партии и цену закупки.

– Да, госпожа.

Торговец побледнел.

– Леди Морван, я не нарушал закон.

– Тогда проверка вас не должна пугать.

Она перевела взгляд на женщину.

– Ваш лекар выписал Слёзный корень?

Женщина кивнула и протянула сложенный лист.

Изабелла прочитала его. Врачебная печать была настоящей.

– Отведите её в городскую лечебницу. Там проверят назначение и наличие запасов.

– Благодарю вас, госпожа, – прошептала женщина.

Изабелла вернула бумагу.

– Не благодарите. Это должно работать и без моего присутствия.

Она ещё раз посмотрела на торговца.

– А вы должны помнить, что не всякий товар можно оценивать так, словно речь идёт о шёлке или пряностях.

Торговец опустил голову.

Когда женщина с мальчиком ушла, один из офицеров спросил:

– Прикажете остановить его торговлю?

– Нет. Пока нет. Проверить документы, закупочные цены и движение партии. Если нарушений не будет, он продолжит работу.

– А если будут?

– Тогда он объяснит это Совету.

Изабелла направилась к морю.

Она не любила вмешиваться в торговые споры на причалах. Подобные конфликты возникали каждый день, и если бы она останавливала каждого продавца, который пытался заработать на изменении цены, то скоро не осталось бы вре-

мени ни на флот, ни на управление.

Но этот случай был показательным.

Торговец не просто поднял цену. Он воспользовался тем, что покупатель не мог легко отказаться от товара. Женщина пришла не за редкой пряностью и не за дорогой тканью. Она пыталась приобрести средство, которое могло помочь после чрезмерного применения Ихора.

Изабелла знала, что Слёзный корень не творит чудес. Он не возвращает утраченный дар и не гарантирует полного выздоровления. Но для человека, который уже пострадал, он мог иметь огромное значение.

И именно поэтому торговля им требовала ответственности.

Она видела, как город продолжал жить. Корабли входили в гавань, грузчики спорили из-за оплаты, купцы считали прибыль. На верхних улицах открывались лавки, в храмах начинались утренние службы, а в мастерских уже разжигали печи.

Но за этим движением скрывалось беспокойство.

Окхейвен ещё не голодал. Его склады не опустели, а казна не была пуста. Однако каждый новый отчёт показывал, насколько тесно переплелись его богатство и чужие бедствия.

Слёзный корень был дорог не потому, что его хотели купить все. Он был дорог потому, что без него последствия чрезмерного применения Ихора могли стать для человека непосильными. И чем меньше оставалось запасов, тем силь-

нее становилась власть тех, кто контролировал поставки.

Изабелла остановилась у края причала.

– Сколько судов сегодня ожидаем? – спросила она.

– Семь, госпожа.

– А сколько должны были прийти?

– Двенадцать.

Она посмотрела на горизонт.

– Пять не пришли.

– Пока не пришли.

– В Окхейвене разница между этими словами иногда стоит целого состояния.

Офицер ничего не ответил.

Изабелла наблюдала за морем.

Она не знала, что произошло с пятью судами. Они могли задержаться из-за погоды, изменить маршрут, столкнуться с проблемами на промежуточных стоянках или просто не успеть к назначенному сроку. Но для города, который зависел от торговли, каждое опоздание имело последствия.

Она повернулась к офицеру.

– Узнать, кто отвечает за эти рейсы. Проверить последние сообщения капитанов.

– Да, госпожа.

– И отдельно выяснить, какие партии Слёзного корня должны были прибыть.

– Сделаем.

Изабелла ещё раз взглянула на гавань.

Окхейвен был богатым городом.
Но богатство не означало независимости.

V. Первый Консул

Вечером Люциус принимал гостей в своём кабинете.

На столе стояли два бокала, но вино оставалось нетронутым. За окнами шумела гавань, и свет маяков медленно скользил по стенам.

Напротив Первого Консула сидел глава одного из торговых домов.

– Я слышал о сегодняшнем заседании, – сказал тот.

– В городе быстро распространяются новости.

– Особенно те, которые могут повлиять на цены.

Люциус сложил руки.

– Ты пришёл говорить о ценах?

– О стабильности.

– Это разные слова для одного и того же?

Гость слегка улыбнулся.

– Не всегда. Мы хотим понимать, чего ждать от Совета. Если вы начнёте ограничивать торговлю, дома будут вынуждены искать другие пути.

– Торговля не будет ограничена без причины.

– А если причиной станет нехватка товара?

– Тогда мы будем распределять то, что имеем.

– По каким правилам?

– По тем, которые установит Совет.

Гость помолчал.

– Изабелла считает иначе.

Люциус посмотрел на него.

– Изабелла не принимает решения единолично.

– Пока не принимает.

В кабинете повисла тишина.

Люциус поднялся и подошёл к окну.

Он видел гавань, огни складов и силуэты кораблей. Даже поздно вечером порт не замирал. Вдали двигались фонари грузовых бригад, а над водой слышались голоса моряков.

– Ты пришёл узнать, кто победит в споре? – спросил он.

– Я пришёл понять, кому следует доверять.

– Тогда ты ошибся дверью. В Окхейвене доверяют договорам. Люди, которые доверяют политикам, обычно теряют деньги.

Гость поднялся.

– Я передам это своему дому.

– Передай.

Когда дверь закрылась, Люциус ещё некоторое время стоял у окна.

Он понимал, что Изабелла не просто спорит с ним о расходах. Она собирает вокруг себя людей, которым надоело ждать. И чем хуже становилось положение Лиги, тем убедительнее звучали её предложения.

Он вернулся к столу, взял отчёт о поставках и перечитал последнюю страницу.

Запасов хватало на месяцы.

Но он уже не был уверен, что у него есть столько времени.

Люциус открыл другую папку.

В ней находились обращения торговых домов, жалобы перевозчиков и сообщения от портовых смотрителей. Некоторые требовали пересмотра договоров. Другие предлагали временно изменить правила выдачи товаров. Третьи настаивали, что Лига должна защитить внутренний рынок от спекулянтов.

Все эти требования противоречили друг другу.

Если ограничить продажу, торговцы начнут искать другие пути.

Если не ограничивать, запасы могут уйти туда, где за них предложат больше.

Если поднять цену, товар станет недоступен части покупателей.

Если удерживать цену, Лига рискует потерять прибыль и часть поставщиков.

Люциус провёл рукой по лицу.

Он привык работать с подобными противоречиями. Но прежде у него почти всегда оставался запас времени. Можно было отложить решение, запросить новые сведения, собрать Совет и выслушать представителей домов.

Теперь каждое ожидание превращалось в риск.

Он позвонил в колокольчик.

Вошёл секретарь.

– Завтра утром подготовить мне полный список действу-

ющих контрактов по Слёзному корню. Отдельно – внутренние запасы, лечебницы и обязательства перед внешними покупателями.

– Будет готово.

– И список расходов, которые можно временно сократить без нарушения уже подписанных договоров.

– Да, Первый Консул.

– Ещё. Узнать, какие дома задерживают платежи.

Секретарь записал распоряжение.

– Что-нибудь ещё?

Люциус посмотрел на отчёты.

– Пока нет.

Секретарь вышел.

Первый Консул остался один.

Он не сомневался в необходимости проверки. Не сомневался и в том, что Лига должна сохранить торговую систему. Но впервые за долгое время ему казалось, что сама система начинает работать против него.

Каждый дом защищал собственную прибыль.

Каждый советник пытался сохранить влияние.

Каждый новый доклад требовал немедленного решения.

А Изабелла всё чаще говорила о том, что нужно действовать до того, как станет поздно.

Люциус взял бокал, но так и не сделал глотка.

Он не собирался уступать ей управление только потому, что та громче говорила о необходимости перемен.

Однако он уже понимал: следующий спор будет не о цене Слёзного корня.

VI. За закрытыми дверями

Поздно ночью в одном из дальних складских кварталов погасили фонари.

Последние рабочие покинули помещение, заперев двери и опечатав ворота. Над входом висела табличка с названием торгового дома. Внутри оставались ящики с пряностями, лекарственными товарами и несколькими партиями Слёзного корня.

На втором этаже, в комнате без окон, двое мужчин изучали документы.

– Лига сокращает выдачу, – сказал один.

– Значит, цены вырастут.

– Если товар вообще дойдёт до покупателей.

Второй мужчина перелистнул страницу.

– А если поставки продолжат сокращаться?

– Тогда те, кто располагает запасами, окажутся в выгодном положении.

– А те, кто не располагает?

Первый мужчина пожал плечами.

– Им придётся договариваться.

Он сложил документы и убрал их в кожаную папку.

На столе лежала карта торговых маршрутов. Несколько направлений были отмечены красными линиями. Рядом находилась ведомость с названиями домов, суммами и срока-

ми поставок.

– В Совете понимают, что происходит? – спросил второй.

– В Совете понимают только то, что написано в отчётах.

– А Изабелла?

Первый мужчина посмотрел на него.

– Она понимает больше, чем говорит.

– Это хорошо?

– Для кого?

Ответа не последовало.

Второй мужчина взял один из документов.

– Здесь указано, что несколько партий уже задержаны.

– Да.

– Их можно выкупить?

– Если владельцы согласятся.

– А если не согласятся?

– Тогда найдём других.

– Но товар ограничен.

Первый мужчина посмотрел на него.

– Именно поэтому мы здесь.

Он убрал карту в папку и застегнул ремешок.

– Нужно следить за решениями Совета. Если они введут ограничения, часть торговцев попытается обойти их. Если поднимут цены, другие начнут придерживать товар. Если начнут выдавать корень только лечебницам, появятся посредники, готовые продавать его частным покупателям.

– Это может вызвать скандал.

– Скандалы возникают каждый день. Важно, кто получает прибыль.

Второй мужчина помолчал.

– А если Изабелла начнёт проверять склады?

– Тогда придётся быть осторожнее.

– Она уже распорядилась проверить одного торговца на причале.

– Я знаю.

– Значит, она действует.

Первый мужчина посмотрел на него.

– Она всегда действовала. Вопрос в том, насколько далеко ей позволят зайти.

За стенами комнаты Окхейвен продолжал шуметь. Даже ночью в гавани не прекращалась работа. Корабли приходили и уходили, склады принимали груз, писари заполняли книги, а торговцы заключали сделки.

Город ещё верил, что способен удержать равновесие.

Но его корень уже трещал.

И однажды выяснится, что богатство, на котором стояла Лига, не защищает её от голода, страха и человеческой жадности.

Первый мужчина погасил лампу.

– Уходим.

Они собрали бумаги и вышли через боковую дверь.

Внутри склада остались ящики, запечатанные сосуды и книги учёта. Снаружи – пустая улица, по которой медленно

стекала дождевая вода.

Никто из них не знал, как быстро изменится положение Лиги.

Но оба понимали: тот, кто сумеет удержать Слёзный корень в своих руках, получит преимущество, которое нельзя измерить одной только прибылью.

А в Окхейвене уже начинали считать не только деньги.

Начинали считать время.

Глава 7. Первый отказ

Первый сигнал прозвучал ещё до рассвета.

Не громкий удар и не скрежет металла. Всего один короткий звук – словно кто-то провёл железным ногтем по краю огромного колокола.

Тор проснулся мгновенно.

Он лежал неподвижно, прислушиваясь. За стенами его жилища гудел Каэл. Глубоко под камнем работала Сеть Векторов, передавая привычную дрожь через перекрытия, балки и стены.

Звук не повторился.

Тор поднялся, накинул куртку и подошёл к окну. Внизу, между домами, уже двигались первые рабочие. На дальнем уступе вспыхнули сигнальные огни грузовой линии. Двое погонщиков вели к складам тяжёлую повозку, а у входа в мастерскую открывали ставни.

Всё выглядело как обычно.

Именно это ему не понравилось.

Он положил ладонь на каменный подоконник. Раньше дрожь Сети ощущалась даже здесь – слабая, едва заметная, но постоянная. Теперь под пальцами была только холодная неподвижность камня.

Тор убрал руку.

– Не может быть, – пробормотал он.

Он взял журнал наблюдений, пояс с инструментами и вышел.

На лестнице ему встретился молодой мастер, который нёс корзину с углём.

– Рано сегодня, мастер.

– Ты что-нибудь слышал?

– Кроме обычного грохота? Нет.

– Никаких остановок?

Молодой человек задумался.

– Восточная линия вчера задерживалась. Но потом пошла.

– Кто сообщил?

– Смена у нижнего склада. Сказали, платформа остановилась, пока меняли крепление.

Тор посмотрел на него.

– Кто менял?

– Не знаю.

– Узнай. И пусть никто не трогает соединения до моего прихода.

– Что-то случилось?

– Пока нет.

Он произнёс это слишком быстро.

Молодой мастер перестал улыбаться.

Тор прошёл мимо.

Центральный узел Сети находился под старой литейной площадью. Когда-то здесь располагались мастерские первых строителей Каэла. Теперь от них остались лишь массивные

каменные стены, укреплённые металлическими рёбрами, да несколько залов, в которых древние конструкции продолжали выполнять свою работу.

К узлу вели три прохода. Два использовались рабочими и инженерами, третий был закрыт после того, как несколько лет назад в нём осыпалась часть потолка. На стенах сохранились старые отметки, смысл которых никто уже не мог объяснить. Одни считали их указателями, другие – именами мастеров, участвовавших в строительстве. Тор не верил ни одной из версий.

У входа он встретил мастера смены.

– Что случилось?

– Пока ничего, мастер.

– Тогда зачем посылали за мной?

– Линия остановилась на несколько мгновений.

Тор посмотрел на него.

– Какая?

– Восточная грузовая.

– Нагрузка?

– Обычная.

– Сколько людей было на линии?

– Семеро рабочих и один сопровождающий.

– Пострадал кто-нибудь?

– Нет. Платформа остановилась, потом снова пошла.

Тор прошёл мимо него.

– Почему мне не сообщили сразу?

– Мы думали, что это продолжение вчерашнего сбоя.

– А вчерашний сбой вы тоже считали незначительным.

Мастер смены опустил глаза.

– Да.

– Значит, сегодня вы уже дважды ошиблись.

Он вошёл в зал.

Над головой уходили в темноту металлические балки. По ним проходили толстые связующие элементы, часть которых была покрыта старинными насечками. В глубине помещения двигался приводной механизм. Его ритм был неровным, но ещё сохранял прежнюю мощь.

Несколько инженеров уже находились у измерительных стоек. Один проверял записи предыдущей смены, второй осматривал крепления, третий следил за движением грузовой платформы на контрольном участке.

Тор остановился у площадки.

– Докладывайте.

– Восточная линия остановилась на короткий промежуток, – ответил старший инженер. – После повторного запуска движение восстановилось.

– Кто дал разрешение на запуск?

– Мастер смены.

Тор повернулся к нему.

– На каком основании?

– Остановка была краткой. Показатели вернулись к прежним значениям.

– Вы проверили соединение?

– Нет.

– Осмотрели привод?

– Нет.

– Сверили колебания с предыдущими записями?

Мастер смены промолчал.

– Значит, вы просто решили, что всё прошло само собой.

– Мы не хотели останавливать линию без необходимости.

– А теперь я остановлю её потому, что вы не захотели разобраться.

Тор подошёл к измерительным стойкам.

– Запускайте проверку.

Двое инженеров заняли места у приборов. Один начал записывать колебания, другой следил за положением соединительных элементов.

– Частота нестабильна, – сообщил первый.

– Насколько?

– Выше вчерашней нормы.

– Это не ответ.

Инженер сглотнул.

– Отклонение увеличилось почти вдвое.

Тор подошёл к смотровому окну.

За толстым защитным стеклом двигалась центральная часть механизма. Вчера он видел там небольшую трещину. Сегодня она стала длиннее.

Он попросил подать прежние записи. Инженер принёс

журнал, раскрыл его на нужной странице и положил рядом с новыми измерениями.

Тор сравнивал показатели молча.

Он не хотел торопиться с выводами. Не хотел повторять ошибку тех, кто принимал короткую остановку за пустяк. Но чем дольше он смотрел на цифры, тем яснее понимал: вчерашняя неисправность не исчезла. Она продолжала развиваться.

– Остановите нагрузку.

Один из инженеров поднял голову.

– Мастер, если мы остановим этот участок…

– Я знаю, что произойдёт. Останавливайте.

Инженер потянулся к управляющей рукояти.

Механизм дрогнул.

Сначала едва заметно. Затем по всему залу прошла тяжёлая вибрация. С потолка посыпалась пыль. Один из светильников мигнул и погас.

– Назад! – крикнул Тор.

Рабочие отступили от площадки.

Раздался удар.

Центральный привод замедлился, ещё несколько раз содрогнулся и остановился.

Впервые за многие годы в зале стало тихо.

Не совсем. Где-то далеко продолжали работать другие участки Сети. Слышались голоса, шаги и отдалённый гул. Но здесь, под старой литейной площадью, исчез звук, к которо-

му привыкли несколько поколений каэльцев.

Тор смотрел на неподвижный механизм.

– Сколько? – спросил он.

– Что?

– Сколько времени этот участок не работал?

Инженер проверил записи.

– Сорок семь ударов сердца.

Тор повернулся к нему.

– Запишите точное время. И никому не разрешайте запускать его без моего приказа.

– Но грузовая линия…

– Я сказал, не запускать.

Он снова посмотрел на соединение.

На металле виднелась новая полоса повреждения. Она проходила рядом с прежней трещиной, но не совпадала с ней.

Тор нахмурился.

– Покажите мне вчерашние записи.

Инженер протянул журнал.

Тор сравнил отметки, затем попросил принести результаты осмотра предыдущего дня. Несколько минут он сопоставлял сведения, проверял последовательность событий и уточнял, когда именно рабочие заметили первые отклонения.

– Здесь пропущено время, – сказал он.

– Какое?

– Между первой остановкой и повторным запуском.

– Мы не успели записать.

– Вы успели запустить механизм, но не успели записать время?

Инженер опустил голову.

– Да, мастер.

Тор закрыл журнал.

– С сегодняшнего дня никаких запусков без записи. Каждый сбой, каждую остановку, каждое изменение показателей. Даже если вам кажется, что ничего не произошло.

– Поняли.

– И ещё. Проверить все соединения на этом участке. Не только то, которое видно через окно. Если потребуется разобрать защитные панели, получите разрешение у меня.

Он обернулся к мастеру смены.

– Восточную линию отключить от центрального привода. Груз перенаправить на соседний маршрут, насколько это возможно. Людей предупредить, чтобы не пытались самостоятельно устранить задержки.

– Это задержит поставки.

– Я знаю.

– Некоторые склады останутся без груза.

– Я знаю.

– Тогда, может быть, стоит попробовать…

Тор посмотрел на него так, что мастер замолчал.

– Ты видел, что произошло. Если бы кто-нибудь стоял возле привода в момент удара, сейчас мы обсуждали бы не за-

держанные поставки.

Он снова взглянул на механизм.

– Работаем по безопасной схеме. Остальное решат те, кому придётся отвечать за последствия.

К полудню новость добралась до верхних уровней.

Сначала говорили, что остановилась одна линия. Затем – что вышел из строя центральный привод. К обеду на рынках уже обсуждали, будто Сеть начала умирать.

Последнее было неправдой.

Но в Каэле слухи всегда двигались быстрее грузовых платформ.

У восточных складов скопились телеги. Перевозчики не понимали, куда направлять грузы, а служащие пытались объяснить, что часть маршрутов временно закрыта. Рабочие спорили с распорядителями, требуя назвать срок восстановления.

– До вечера? – спрашивал один.

– Неизвестно.

– Завтра?

– Неизвестно.

– Тогда куда мне везти руду?

– На запасную площадку.

– Она уже заполнена.

– Значит, придётся ждать.

– Ждать чего? Пока всё окончательно остановится?

Распорядитель не ответил.

В соседнем проходе двое грузчиков пытались вручную переместить тяжёлую тележку. Один из них вытер пот со лба и посмотрел на неподвижную платформу.

– Никогда такого не видел.

– А я видел, – ответил старший.

– Когда?

– Когда был мальчишкой. Тогда остановили одну из старых линий, чтобы заменить крепление.

– И сколько она стояла?

– Два дня.

– А эта?

Старший пожал плечами.

– Эта не должна была останавливаться вовсе.

Они замолчали.

Верхние уровни ещё не ощущали всей тяжести произошедшего. Там продолжали работать мастерские, открывались лавки, люди шли по своим делам. Но внизу уже менялся привычный порядок.

В одном из складов не дождались очередной партии угля. В другой мастерской задержали металл, предназначенный для ремонта подъёмного устройства. Несколько семей, живших на восточном уровне, получили сообщение о временном изменении графика доставки продовольствия.

Никто не голодал.

Никто не объявлял чрезвычайного положения.

Но впервые многие увидели, насколько сильно их повседневная жизнь зависела от механизмов, которые они почти никогда не замечали.

Сеть работала – и потому о ней не думали.

Часть Сети остановилась – и о ней заговорили все.

Аня узнала о происшествии от дежурного офицера. Она находилась в гарнизонном дворе, когда тот подошёл к ней.

– Капитан, мастер Тор требует встречи с лордом Скель.

– Что произошло?

– Центральный участок остановился.

Аня перестала проверять список караулов.

– Насовсем?

– Неизвестно.

– Пострадавшие?

– Нет.

Она передала бумаги помощнику.

– Найди отца. И Борека тоже.

– А Тор?

– Он где?

– Внизу, у центрального узла.

Аня посмотрела на башенные часы.

– Передай ему, что мы будем через час.

Она уже знала: если Тор сам потребовал присутствия Рурика и Борека, значит, дело было серьёзнее, чем очередная неисправность.

Она закончила проверку караулов, но мысли уже были да-

леко от гарнизонного двора.

Сеть Векторов была не просто удобством. Через неё перемещались грузы, инструменты, продовольствие и люди. Её остановка означала, что привычные маршруты больше нельзя считать надёжными.

Аня подошла к карте, висевшей у стены.

Красные линии связывали шахты, литейные дворы, склады и жилые уровни. Она знала расположение основных узлов, но не понимала всех технических связей. Это была работа Тора и его инженеров.

Она провела пальцем вдоль восточного маршрута.

Если он останется закрытым, часть грузов придётся перенаправить. Если соседние участки не выдержат дополнительной нагрузки, проблемы возникнут и там.

– Подготовить список запасных маршрутов, – приказала она помощнику. – Отдельно указать, какие склады зависят от восточной линии.

– Сделаю, капитан.

– И выяснить, есть ли задержки с доставкой продовольствия в жилые уровни.

– Да.

Аня снова посмотрела на карту.

Она не знала, насколько серьёзно повреждён механизм. Но уже понимала, что гарнизону придётся заниматься не только охраной ворот и караулов.

Если начнутся перебои, люди станут искать виноватых.

И тогда даже техническая неисправность может превратиться в политическую проблему.

Совет собрался в малом зале крепости.

Рурик стоял у карты Каэла. Борек сидел за столом, перед ним лежала раскрытая книга расходов. Аня заняла место рядом с отцом.

Тор вошёл последним.

Он не стал снимать рабочие перчатки.

– Центральный участок остановился, – сказал он.

– Мы уже слышали, – ответил Рурик. – Сколько времени?

– Сорок семь ударов сердца.

– И снова заработал?

– Нет.

Борек поднял голову.

– Значит, линия до сих пор стоит?

– Да.

– Сколько груза задержано?

– Пока не знаю. Часть платформ удалось перенаправить. Остальные ждут решения.

Борек провёл пальцем по строкам в книге.

– Если остановка затянется, мы потеряем не только время. Придётся менять маршруты снабжения.

– Я здесь не для того, чтобы обсуждать маршруты, – произнёс Тор.

Рурик посмотрел на него.

– Тогда зачем ты здесь?

Тор положил на стол лист с результатами проверки.

– Повреждение увеличилось. Центральный привод больше не выдерживает прежней нагрузки.

– Можно отремонтировать?

– Можно попробовать.

– Сколько времени?

– Не знаю.

– Сколько металла?

– Больше, чем мы выделили в прошлый раз.

Борек медленно закрыл книгу.

– Мы уже отдали тебе часть запасов.

– И я использовал её. Но повреждение оказалось глубже.

– Ты говорил, что сможешь удержать участок.

– Я говорил, что смогу попытаться.

– Для казначейства разница невелика.

Тор резко повернулся к нему.

– Для Сети разница огромна.

Рурик поднял руку.

– Хватит.

Он подошёл к столу и изучил записи.

– Что будет, если мы не отремонтируем привод?

– Восточная линия останется без прежней пропускной способности. Нагрузка перейдёт на соседние участки. Если они не выдержат, начнут останавливаться следующие.

– А если выдержат?

– Тогда выиграем время.

– Сколько?

Тор помолчал.

– Не могу сказать.

Рурик положил лист.

– Ты говоришь, что Сеть может остановиться целиком?

– Я говорю, что не могу обещать обратное.

В комнате стало тихо.

Аня смотрела на карту. Красные линии связывали шахты, мастерские, склады и жилые уровни. Вся жизнь Каэла была вписана в эти древние пути. Они были старше княжеского дома, старше многих гильдий и, возможно, старше самого города в его нынешнем виде.

– Это естественный износ? – спросила она.

Тор не ответил сразу.

– Часть повреждений похожа на износ.

– А другая часть?

– Я не знаю.

Борек нахмурился.

– Ты подозреваешь вмешательство?

– Я подозреваю, что не понимаю, что произошло.

– Это не одно и то же.

– Именно поэтому я не собираюсь обвинять кого-либо без доказательств.

Рурик вернулся к своему месту.

– Что тебе нужно?

– Металл. Люди. И право закрыть участок столько, сколько потребуется.

– На какой срок?

– Пока не узнаю, можно ли безопасно его запустить.

Борек покачал головой.

– Мы не можем остановить линию на неопределённый срок. Через неё идут поставки в три жилых уровня.

– А если мы запустим её сейчас, она может разрушиться окончательно.

– Тогда найди другой способ.

– Я ищу его с тех пор, как впервые увидел трещину!

Голос Тора ударился о каменные стены.

Он замолчал, тяжело дыша.

Рурик смотрел на него без раздражения.

– Ты получишь металл.

Борек резко поднялся.

– Отец…

– Часть запасов. Остальное останется в казначействе.

– Этого может не хватить.

– Тогда Тор будет работать с тем, что получит.

Тор медленно кивнул.

– Я начну немедленно.

– И ещё, – добавил Рурик. – До окончания проверки никто не должен распространять слухи о гибели Сети.

Борек усмехнулся без веселья.

– Поздно. Полгорода уже говорит об этом.

– Тогда пусть хотя бы не услышит этого от нас.

Рурик сел.

– Борек, подготовь список грузов, которые можно перенаправить. Отдельно – продовольствие, уголь и металл. Никаких общих цифр. Мне нужны конкретные склады и конкретные объёмы.

– Это займёт время.

– Начинай сейчас.

– А если запасных маршрутов не хватит?

– Тогда придёшь ко мне с тем, что есть, а не с тем, чего у нас нет.

Борек открыл книгу.

– Понял.

Рурик повернулся к Ане.

– Гарнизон должен быть готов к перебоям. Без паники и без показательных мер. Усиль наблюдение на восточных уровнях, но не выводи дополнительные патрули без необходимости.

– Сделаю.

– И выясни, что происходит с людьми, которые зависят от остановленной линии. Не только с торговцами. С жилыми уровнями.

Аня кивнула.

Тор уже собирал свои бумаги.

– Я возвращаюсь вниз.

– Работай, – сказал Рурик. – Но не рискуй людьми ради

того, чтобы вернуть движение к вечеру.

Тор остановился.

– Я не собираюсь терять людей.

– Тогда помни об этом, когда снова окажешься возле механизма.

Мастер ничего не ответил и вышел.

После совета Аня догнала Тора в коридоре.

– Ты что-то скрываешь.

Он остановился.

– Нет.

– Тогда почему не сказал отцу всего?

Тор посмотрел на неё.

– Я сказал всё, что знаю.

– Но не всё, что думаешь.

Он долго молчал.

Из ближайшего окна тянуло холодом. За ним виднелся внутренний двор, где несколько солдат переносили ящики с припасами. Их голоса глухо отражались от каменных стен.

– Вчерашняя трещина была старой, – произнёс Тор. – Сегодняшнее повреждение выглядит иначе.

– Что это значит?

– Пока ничего.

– Тор.

– Я видел следы, которых не должно быть. Но не знаю, что их оставило. Если я сейчас скажу, что кто-то вмешался

в работу Сети, завтра весь Каэл начнёт искать врагов среди собственных людей.

– А если это действительно кто-то сделал?

– Тогда мне нужны доказательства.

Аня посмотрела на него.

– Ты думаешь, это связано с теми сведениями, которые Борек проверяет?

– Я не знаю, какие сведения он проверяет.

– Гаррет?

Тор нахмурился.

– Что с ним?

– Ничего. Просто отец попросил Борека проверить несколько документов казначейства.

– Тогда это разговор с Бореком, не со мной.

Он направился к лестнице.

– Тор!

Мастер остановился, но не обернулся.

– Если Сеть не удастся восстановить…

– Не заканчивай эту фразу.

– Я должна знать.

Тор повернулся.

– Нет, Аня. Ты должна готовиться к тому, что может случиться. Это не одно и то же.

– Как мне готовиться, если я не знаю, чего ждать?

– Начни с того, что уже известно. Восточная линия остановлена. Соседние участки получат дополнительную нагруз-

ку. Поставки задержатся. Люди будут задавать вопросы. Вот с этим ты можешь работать.

– А с тем, что ты не говоришь?

– С этим пока работаю я.

Аня хотела возразить, но Тор уже направился вниз.

Он не был человеком, который легко делился сомнениями. И всё же она знала его достаточно давно, чтобы понять: сейчас он боялся не самой поломки.

Он боялся того, что не мог объяснить.

Аня осталась в коридоре.

К вечеру последствия остановки стали заметнее.

На восточных уровнях люди заметили, что привычный гул под ногами исчез. Рабочие возвращались домой пешком, телеги стояли у складов, а торговцы спорили с перевозчиками из-за задержанных грузов.

В одном из дворов мальчик спросил отца:

– Почему сегодня камень не гудит?

Отец посмотрел на землю.

– Механизм остановили.

– Он сломался?

– Нет. Его чинят.

Мальчик кивнул, но продолжал смотреть под ноги.

Он родился в Каэле и никогда не знал города без Сети. Для него её гул был таким же привычным, как ветер в шахтных переходах или звон молотов в кузницах.

– А если не починят? – спросил он.

Отец не сразу ответил.

– Починят.

– Откуда ты знаешь?

Мужчина посмотрел в сторону складов.

Он хотел сказать, что так было всегда. Что древние механизмы пережили множество поколений и не могли просто остановиться. Что мастер Тор знает своё дело и Рурик не позволит городу остаться без Сети.

Но ни одно из этих слов не звучало достаточно убедительно.

– Потому что должны, – наконец произнёс он.

Мальчик снова посмотрел на камень.

В соседнем доме женщина закрывала ставни. Она слышала разговор, но не вмешивалась. Её беспокоило другое: утром обещали доставить уголь, а теперь никто не мог сказать, когда появится следующая партия.

На рынке торговцы уже начали менять цены. Не все. Большинство ещё придерживалось прежних договорённостей, но некоторые продавцы отказывались отпускать товар до уточнения сроков поставок.

У лавки с зерном собралась небольшая очередь.

– Мне обещали сегодня, – говорил пожилой мужчина.

– Мне тоже, – отвечал продавец. – Но груз не пришёл.

– Значит, завтра?

– Не знаю.

– Вы все теперь ничего не знаете?

Продавец развёл руками.

– Я продаю то, что привозят.

Мужчина ушёл, сердито бормоча.

Люди ещё не голодали. Запасы оставались, склады работали, а город не потерял все пути снабжения. Но уверенность, что всё необходимое будет доставлено вовремя, начала исчезать.

В Каэле это было почти так же непривычно, как тишина под ногами.

Ночью Тор вернулся к центральному узлу.

Он приказал оставить в зале только дежурную смену. Рабочие разошлись, инженеры закончили записи, и теперь он стоял один перед неподвижным механизмом.

В руке он держал два листа.

На первом были вчерашние измерения.

На втором – сегодняшние.

Тор несколько раз сравнил записи, затем снова посмотрел на повреждённое соединение.

Он не мог объяснить, почему рядом с прежней трещиной появилась новая полоса разрушения. Не мог объяснить, почему некоторые показатели изменились так резко. И не мог утверждать, что это результат чьих-то действий.

Он проверил крепления, осмотрел край защитной панели и попросил дежурного подать переносную лампу.

Свет скользнул по металлу.

Повреждение было отчётливым. Оно не походило на обычный след от долгой нагрузки, но одного внешнего вида было недостаточно, чтобы делать выводы. Тор знал, как легко ошибиться, если искать подтверждение уже возникшему подозрению.

Он опустил лампу.

– Запишите состояние соединения, – сказал он дежурному. – Отдельно отметьте направление повреждения. Ничего не трогать.

– Да, мастер.

– И проверьте, чтобы предыдущие записи не потерялись.

– Они в журнале.

– Я знаю, где они. Проверьте, чтобы никто не забрал их без моего разрешения.

Дежурный кивнул.

Тор снова посмотрел на механизм.

Он вспомнил слова Рурика о людях. Вспомнил спор с Бореком. Вспомнил, как остановился привод и на несколько мгновений весь зал словно перестал существовать.

Он не мог позволить себе ошибку.

Если запустить механизм слишком рано, можно потерять не только центральный участок, но и людей, которые будут находиться рядом. Если оставить его остановленным, город начнёт испытывать всё более серьёзные перебои.

Выбор между двумя рисками не становился легче оттого,

что один из них был виден, а другой пока оставался предположением.

Тор открыл журнал и записал:

«Центральный участок остановлен. Причина окончательного отказа не установлена. Повторный запуск запрещён до завершения проверки».

Он помедлил, затем добавил ещё одну строку:

«Характер повреждений не соответствует обычной картине износа».

Поставил дату и закрыл книгу.

В глубине зала что-то тихо щёлкнуло.

Тор поднял голову.

Механизм оставался неподвижным.

Но звук повторился.

Один короткий щелчок.

Затем второй.

Тор медленно подошёл к смотровому окну.

За стеклом не двигалось ничего.

Он долго смотрел на тёмное соединение, прежде чем позвать дежурных.

– Все сюда. И никому не приближаться к приводу.

Двое инженеров поспешили к нему.

– Что произошло?

– Слышали?

– Что именно?

Тор не ответил. Он указал на механизм.

Дежурный прислушался.

Тишина.

Ни движения, ни вибрации, ни нового звука.

– Я слышал щелчок, – сказал Тор. – Дважды.

– Может быть, металл остывает?

– Может быть.

– Тогда…

– Не делайте выводов. Запишите время и наблюдение. Проверку проведём при свете.

Он ещё раз посмотрел на механизм.

На этот раз он не собирался ждать утра.

Но запускать Сеть тоже не собирался.

Первый отказ уже произошёл.

И теперь Тор должен был понять, что именно остановилось – часть древней конструкции или нечто гораздо большее, чем один повреждённый привод.

Глава 8. Под камнем

В Иш-Таре ночь никогда не принадлежала людям.

Когда солнце исчезало за чёрными уступами пустыни, город не засыпал. Он менял голос. Дневной шум – крики торговцев, скрип повозок, споры у колодцев, шаги паломников – постепенно отступал, уступая место звукам, которые жители привыкли считать частью самой земли.

Сначала ударял один барабан.

Затем второй отвечал ему с другой стороны храмового квартала. Через несколько мгновений к ним присоединялись остальные. Глухие удары расходились от священных площадей к окраинам, отражались от каменных стен и терялись в узких переулках. Каждый храм имел свой ритм, каждый служитель знал, когда вступить и когда замолчать. Со стороны могло показаться, что город играет на огромном инструменте, натянутом между крышами и башнями.

Жрецы говорили, что так Иш-Тар напоминает земле о её дыхании. Старики утверждали, что барабаны нужны, чтобы мёртвые не забывали дорогу домой. Торговцы предпочитали не спорить ни с теми, ни с другими: ночной ритм означал, что храмы открыты, а значит, наутро у ворот снова появятся паломники.

Дети знали ещё одно правило: когда начинались барабаны, нельзя было свистеть у колодцев. Почему – никто тол-

ком не объяснял. Одни пугали их духами, другие говорили, что свист сбивает ритм и навлекает дурной сон. Но запрет соблюдали даже те, кто давно перестал верить в старые истории.

В тот вечер Верховная Жрица Нефтида стояла на верхней террасе храма и смотрела на огни города.

Ветер приносил запах горячего камня, дыма и пряностей. Внизу, за стенами храмового двора, двигались последние торговцы. Слуги гасили светильники в галереях, стража меняла посты. На дальних площадях уже шли ночные обряды.

За спиной Нефтиды две младшие жрицы рассыпали по каменному полу сухие лепестки. Четыре служителя медленно двигались вокруг чаши с дымящимися благовониями. Их шаги совпадали с ударами барабанов. Они не пели: в этом обряде голос был не нужен. Достаточно было движения, дыма и повторяющегося ритма.

Нефтида не участвовала.

Она слушала.

Ритм был правильным. Слишком правильным. Каждый удар приходил вовремя, каждый ответ звучал на своём месте, но между ними будто оставалось нечто лишнее – промежуток, который нельзя было заполнить ни новым ударом, ни человеческим голосом.

– Ты снова не спишь, госпожа? – спросила старшая из жриц.

– Сегодня город беспокоен.

– Город всегда беспокоен.

– Нет. Сегодня он молчит между ударами.

Жрица опустила глаза. Она не стала спорить. За годы службы она научилась различать, когда Нефтида произносит слова как замечание, а когда – как предупреждение.

Верховная жрица повернулась к ней.

– Где Заар?

– В нижнем святилище.

– Он опять спустился?

– Да.

– Один?

– С двумя стражами.

Нефтида посмотрела на восток, туда, где за храмовыми кварталами начинались старые каменные переходы. Там, под поздними пристройками и залами, лежали помещения, которые не входили ни в один из привычных храмовых маршрутов. Их стены помнили времена, о которых сохранились только разрозненные имена и противоречивые предания.

– Он обещал не приближаться к вратам без моего разрешения.

– Он говорит, что не приближается.

– А что он делает?

Жрица замялась.

– Изучает стены.

Нефтида усмехнулась без веселья.

– Люди, которые изучают стены, рано или поздно начина-

ют искать дверь.

– Может быть, он хочет лишь понять старые знаки.

– Он всегда хочет лишь понять. А когда не понимает, подходит ближе.

Нефтида снова посмотрела на город. Барабаны продолжали звучать. С высоты они казались ровным дыханием, но теперь она слышала в нём сбивчивость. Не ошибку исполнителей – нет. Скорее, отсутствие ответа там, где ответ должен был быть.

– Если он вернётся, скажи, чтобы пришёл ко мне, – произнесла она.

– Сейчас?

– Когда закончит.

Жрица поклонилась, но не ушла сразу.

– Госпожа, вы запретите ему спускаться?

– Я уже запрещала.

– Он не послушался?

– Он нашёл слова, которыми можно назвать непослушание исследованием.

Нефтида отпустила её движением руки.

Заар не любил храмовые подземелья.

Они были построены задолго до того, как Иш-Тар стал городом, и каждый новый правитель лишь добавлял к древним переходам собственные помещения. Одни использовали для хранения реликвий, другие – для обрядов, третьи давно за-

были, зачем они вообще существовали. В одних коридорах стены были покрыты поздними надписями, в других камень оставался гладким, словно к нему не прикасались ни инструменты, ни время.

Заар не доверял названиям, которые давали этим местам жрецы. Название могло многое рассказать о том, как люди воспринимали помещение, но почти ничего – о том, для чего оно было создано.

Воздух здесь был сухим, но тяжёлым. Он пах каменной пылью, старым маслом и чем-то едва уловимым, напоминавшим запах грозы. Лампы освещали лишь несколько шагов впереди. За их кругами света коридор уходил в темноту, и казалось, что подземелье не заканчивается, а только отступает перед огнём.

Заар шёл впереди. За ним двигались двое стражей с лампами. Оба были вооружены короткими клинками, хотя сам исследователь считал оружие здесь почти бесполезным. Если опасность действительно существовала, сталь едва ли могла стать надёжной защитой. Но он не спорил с решением Нефтиды выделить сопровождение: присутствие стражей было условием, на котором ему позволили работать в нижних помещениях.

– Господин, – произнёс один из них, – мы уже прошли нижний зал.

– Знаю.

– Дальше нет освещения.

– Поэтому вы и взяли лампы.

Страж посмотрел на второго, но тот промолчал. Оба понимали, что Заар не любит повторять объяснения, если считает их очевидными.

Они остановились у узкого прохода. На стенах виднелись старые знаки. Часть была высечена в камне, часть нанесена поверх него позднее. Жрецы считали их письменами первых служителей. Заар не был уверен, что это вообще письмена. В некоторых рядах знаки повторялись слишком редко, в других – слишком часто. Они не складывались в знакомые ему слова, но и простым украшением не казались.

Он приблизил лампу.

– Вот здесь.

На стене проходила тонкая линия, почти незаметная под слоем пыли. Она не повторяла природные трещины и не совпадала с узором соседних плит. На первый взгляд её можно было принять за след старого инструмента, однако линия сохраняла одинаковую глубину на всём протяжении, даже там, где поверхность камня была неровной.

Заар провёл пальцем вдоль края.

– Видите?

– Что именно?

– Камень здесь другой.

Страж наклонился ближе.

– Он старый.

– Не старый. Иной.

– Чем?

– Если бы я знал, не стал бы вас сюда приводить.

Заар достал из сумки небольшую пластину и приложил к поверхности. На ней были нанесены метки, которыми он пользовался при сравнении древних материалов. Пластина едва заметно дрогнула.

Заар замер.

– Повторите измерение, – сказал он.

– Что-то не так?

– Повторите.

Страж выполнил приказ. Он осторожно приложил пластину к указанному месту, стараясь держать её так же, как Заар.

Пластина снова дрогнула.

Исследователь медленно убрал её. Он не улыбнулся и не стал торжествовать. Совпадение двух наблюдений ещё не означало, что он понял причину. Но теперь можно было исключить случайное движение руки – по крайней мере, не считать его единственным объяснением.

– Значит, я не ошибся, – произнёс он.

– Что это означает?

– Пока ничего.

– Но вы ведь что-то обнаружили.

– Я обнаружил реакцию. Это не то же самое, что понять её.

Он убрал пластину в футляр и продолжил осмотр.

В конце прохода находился зал, который жрецы называли Усыпальницей Первого Голоса. Здесь не было ни статуй, ни саркофагов. Только гладкие стены, массивные плиты и круглая площадка в центре. Ни один из предметов, которые обычно сопровождали храмовые усыпальницы, не объяснял этого названия. Заар давно подозревал, что оно появилось значительно позже самого помещения.

Он остановился на пороге.

На поверхности площадки виднелись несколько концентрических линий. Они уходили под камень, словно были частью конструкции, скрытой глубже. Некоторые участки были почти стёрты, другие сохраняли чёткий край. В центре не было ни чаши, ни отверстия, ни знака, который мог бы подсказать назначение круга.

Заар видел подобные узоры раньше.

У врат.

Врата Шакса находились ниже.

С прошлого посещения он к ним не спускался. Тогда он заметил странное расположение знаков и решил, что сначала должен изучить верхние помещения. Теперь у него появились новые основания вернуться – но не сегодня. Он не собирался нарушать запрет Нефтиды открыто и не считал, что один удачный замер даёт право идти дальше.

– Лампу сюда.

Страж поставил светильник на камень. Второй остался у прохода, откуда мог видеть и зал, и коридор за спиной.

Заар опустился на одно колено и стал рассматривать линии. Они не были похожи на обычные руны Иш-Тара. В них отсутствовали привычные знаки стихий, имена духов и символы, которыми жрецы обозначали переходы между мирами. Он не нашёл ни повторяющихся молитвенных формул, ни знакомых обозначений, которые могли бы указывать на обрядовое назначение площадки.

Но некоторые элементы напоминали ему узор на внешней стороне врат.

Он достал из сумки лист и сделал несколько зарисовок. Сначала перенёс общий круг, затем отметил участки, где линии пересекались или уходили под соседние плиты. Он старался не подменять увиденное тем, что уже знал. Стоило однажды решить, будто два знака похожи, – и рука начинала воспроизводить сходство даже там, где его не было.

– Господин, – тихо сказал один из стражей. – Вам не кажется, что здесь холоднее?

Заар поднял голову.

– Нет.

– А мне кажется.

Второй страж переступил с ноги на ногу.

– И тишина какая-то странная.

Заар прислушался.

Барабаны города не были слышны. Это объяснялось толщей камня, но сейчас отсутствие звука казалось почти физическим. Он слышал собственное дыхание, шорох одежды

и едва заметное потрескивание фитиля. Даже шаги стражей, когда те меняли положение, звучали глуше, чем в коридоре.

– Здесь нет ничего, что могло бы заглушить звук, – сказал Заар.

– Но мы его не слышим.

– Мы глубоко под землёй.

– В других залах слышали.

Заар посмотрел на него, но не ответил. Он не хотел спорить о впечатлениях. Страх заставлял людей замечать перемены там, где их могло не быть, однако это не означало, что каждое наблюдение следовало отвергать.

Он достал небольшую металлическую пластину и положил её в центр площадки.

Ничего не произошло.

Заар подождал. Затем осторожно коснулся края пластины пальцем, проверяя, не сместилась ли она. Поверхность оставалась неподвижной.

Он убрал пластину и достал другую – тонкую, с нанесёнными знаками. Поднёс её к одной из линий.

На поверхности выступила слабая дрожь.

Не свет.

Не вспышка.

Лишь едва заметное колебание, которое можно было принять за движение руки. Заар отнял пластину. Дрожь исчезла. Он повторил действие, стараясь не менять положения пальцев.

Снова ничего.

Он попробовал ещё раз – с тем же результатом. Затем поменял угол, отступил на ладонь и повторил измерение. Пластина оставалась неподвижной.

– Господин, – сказал первый страж, – может быть, нам следует уйти?

– Почему?

– Это место не предназначено для живых.

Заар поднялся.

– А кто тебе это сказал?

– Жрецы.

– Жрецы много чего говорят.

– Они говорят, что под храмом спит тот, кому нельзя мешать.

Заар посмотрел на него.

– Тогда почему они построили храм прямо над ним?

Страж не нашёлся с ответом. Второй отвёл взгляд, будто вопрос был не к товарищу, а к нему самому.

Заар убрал инструменты. Сегодня он не собирался делать ничего большего. Он получил подтверждение, что некоторые элементы комплекса реагируют на присутствие внешнего воздействия. Но этого было недостаточно, чтобы понять принцип реакции, а тем более её значение. Он не знал, связано ли наблюдаемое с материалом пластины, с нанесёнными на неё знаками, с самой площадкой или с чем-то, чего он пока не мог учесть.

И тем более этого было недостаточно, чтобы рисковать.

– Возвращаемся.

Стражи не стали задавать вопросов. Один поднял лампу, второй ещё раз оглянулся на круговую площадку. В тусклом свете линии казались обычными следами обработки камня. Если бы Заар не видел дрожь пластины собственными глазами, он мог бы решить, что всё происходившее было случайностью.

На обратном пути он несколько раз останавливался, чтобы сверить зарисовки с расположением знаков. Он не хотел полагаться на память. В подземельях легко перепутать похожие проходы, а поздние пристройки нарушали простую последовательность помещений. Стражи терпеливо ждали, хотя с каждой остановкой их беспокойство становилось заметнее.

– Вы часто здесь бываете? – спросил тот, что шёл позади.

– Достаточно.

– И каждый раз находите что-нибудь новое?

– Не каждый раз.

– А сегодня?

Заар посмотрел на него.

– Сегодня я понял, что не знаю об этом месте почти ничего.

Страж, кажется, ожидал другого ответа.

Верхнее святилище встретило Заара запахом благовоний

и звуками барабанов. После подземной тишины городские удары показались слишком громкими. Они шли через стены, пол и своды, возвращая каждому помещению привычный ночной ритм.

Нефтида ждала у входа.

– Ты обещал не спускаться к вратам.

Заар снял перчатки.

– Я не спускался к ним.

– Ты был в нижнем зале.

– Там находятся древние конструкции. Я изучал их.

– Ты называешь это изучением?

– А как ещё?

Нефтида подошла ближе. Она не повышала голоса, но стражи сразу отступили на несколько шагов. Они знали, что разговор Верховной Жрицы с Зааром не предназначен для посторонних.

– Ты перестал посещать храмовые собрания, – сказала она. – Не отвечаешь на приглашения. Отказываешься от обрядов, которые проводились здесь задолго до твоего рождения. И теперь проводишь ночи под землёй.

– Я работаю.

– Ты ищешь то, что не понимаешь.

– Именно поэтому я должен продолжать.

Нефтида посмотрела на его сумку.

– Что ты обнаружил?

Заар помедлил. Он мог бы ответить уклончиво, но по-

нимал, что Нефтида всё равно узнает о спуске от стражей. Скрывать наблюдение было бессмысленно. Другое дело – не придавать ему значения, которого оно пока не имело.

– Некоторые части комплекса реагируют на внешнее воздействие.

– На Ихор?

– Не знаю.

– На молитвы?

– Не знаю.

– На кровь?

Заар устало вздохнул.

– Ты перечисляешь всё, что привыкла считать причиной.

Лицо Нефтиды стало холодным.

– Ты находишься в Иш-Таре, Заар. Здесь древние места не отделяют от веры.

– Я не пытаюсь отделить их. Я пытаюсь понять.

– А если понимание разрушит то, что мы охраняем?

– Тогда мы должны знать, что именно охраняем.

Нефтида некоторое время молчала. Она смотрела не на него, а на дверь, за которой оставались стражи. Заар знал этот взгляд: она уже принимала решение, но ещё выбирала слова.

– Ты считаешь, что боги не имеют отношения к этому месту?

– Я считаю, что мы пока не знаем, что оно собой представляет.

– Иногда незнание – единственное, что удерживает людей от безумия.

– А иногда оно заставляет их поклоняться тому, чего они даже не видели.

– Ты говоришь так, будто вера – это слабость.

– Я говорю, что вера не заменяет ответа на вопрос.

– Не каждый вопрос требует ответа.

– А кто решает, какой именно?

Нефтида отвернулась. За стенами снова ударили барабаны. На этот раз ритм показался ей обычным, и от этого стало только тревожнее.

– Ты слишком далеко зашёл.

– Я ещё даже не начал.

Она резко повернулась к нему.

– Не путай любопытство с правом.

Заар ничего не ответил. Он понимал, что спор зашёл туда, где ни один из них не собирался уступать. Нефтида считала себя хранительницей места и отвечала за то, чтобы никто не нарушил установленные запреты. Он считал, что запрет без понимания опасности может оказаться не защитой, а лишь способом отложить неизбежный вопрос.

Но даже он не мог утверждать, что знает, что скрывается ниже.

Нефтида ушла, оставив его в коридоре.

Один из стражей приблизился.

– Господин, нам приказано сопровождать вас обратно.

– Я знаю дорогу.

– Приказ был прямым.

Заар посмотрел на него, затем коротко кивнул. Он не собирался усложнять положение людей, которые всего лишь исполняли распоряжение.

В ту же ночь в храмовом архиве зажгли дополнительные лампы.

Нефтида сидела перед раскрытой книгой, переплетённой тёмной кожей. На её страницах были записаны имена жрецов, участвовавших в обрядах подземного святилища. Некоторые записи относились ко временам, когда Иш-Тар ещё не имел единого правителя. Другие были сделаны позднее, разными руками и на разных листах, вклеенных в старый переплёт.

Архивариус стоял у дальнего стола. Он не задавал вопросов, пока Верховная Жрица не обращалась к нему. Перед ним лежали несколько списков, но Нефтида почти не смотрела на них. Она искала упоминание о Зааре – не имя исследователя, а старые записи о тех, кто спускался в нижние помещения и возвращался с вопросами.

Ей не нравилось, что она вынуждена искать ответы в книгах, которым сама не вполне доверяла. Архив хранил многое, но не всё. Иногда важные свидетельства исчезали, иногда их переписывали, иногда один жрец добавлял к словам предшественника собственное толкование. С годами преду-

преждение могло превратиться в обряд, а обряд – в привычку, смысл которой никто уже не помнил.

Она перевернула несколько страниц.

Среди старых листов лежала тонкая полоска пергамента, вложенная между двумя записями. Почерк был незнакомым. Чернила почти выцвели. Нефтида осторожно развернула лист, стараясь не повредить хрупкие края.

Там было всего несколько строк:

«Не открывать нижний путь.

Не отвечать на зов из-под камня.

Не позволять исследователю завершить круг.

Если же круг будет завершён, не ждать знамения. Уходить».

Нефтида перечитала текст.

Затем ещё раз.

Слова не содержали имени, даты или указания, кто именно должен был исполнить предупреждение. Не было и объяснения, что называлось нижним путём, откуда мог исходить зов и о каком круге шла речь. Запись могла относиться к одному из забытых обрядов. Могла быть предостережением, оставленным человеком, который видел нечто опасное. Могла быть поздней выдумкой, которую кто-то вложил в архив, чтобы придать собственному страху вес древнего свидетельства.

Но сочетание слов заставило Нефтиду вспомнить круглую площадку в нижнем зале.

Она не знала, видел ли Заар тот же круг, о котором говорилось в пергаменте. Не знала, пытался ли он его завершить. Не знала даже, имел ли автор в виду физическую площадку или нечто иное. И всё же совпадение было слишком неприятным, чтобы отложить лист обратно.

Она позвала архивариуса.

– Кто оставил эту запись?

Старик подошёл к столу, поправляя повязку на глазах.

– Не знаю, госпожа. Она была здесь, когда я принял архив.

– Сколько лет назад?

– Тридцать семь.

– И никто не пытался выяснить её происхождение?

– Я передал её прежнему Верховному Жрецу.

– Что он ответил?

Архивариус помолчал.

– Он приказал не трогать.

– Не трогать пергамент или не задавать вопросов?

– Он не уточнил.

Нефтида снова посмотрела на строки.

– Ты знаешь, откуда он взялся?

– Нет, госпожа.

– Кто имел доступ к этой части архива до тебя?

– Верховные жрецы, хранители записей и те, кому они разрешали входить. Но старые книги переносили несколько раз. Я не могу сказать, кто именно держал этот лист в руках.

– Почему ты не сообщил мне о нём раньше?

– Потому что он не был отмечен как важный. Он лежал между обычными записями. Я считал, что прежний Верховный Жрец уже решил, как с ним поступить.

Нефтида свернула пергамент.

– Отныне никто не должен спускаться в нижние помещения без моего разрешения.

– Даже Заар?

Она посмотрела на старика.

– Особенно Заар.

Архивариус поклонился.

– Прикажете запечатать проход?

Нефтида не ответила сразу. Запечатать проход означало бы признать, что она считает угрозу реальной. А если предупреждение было всего лишь старой страшилкой, подобное решение только усилит интерес Заара. Он непременно захочет узнать, что именно от него скрывают.

– Пока нет, – сказала она. – Сначала выясни, есть ли другие записи. Не пересказывай эту никому. И не пытайся толковать её самостоятельно.

– Как прикажете.

– Если найдёшь похожие слова, принеси мне. Даже если они будут казаться бессмысленными.

Архивариус снова поклонился и отошёл к стеллажам.

Нефтида осталась одна. Она положила пергамент рядом с раскрытой книгой и ещё раз прочла последнюю строку.

«Не ждать знамения. Уходить».

В храмовых преданиях предупреждения обычно сопровождались обещанием защиты: молитвой, именем покровителя, указанием на обряд, который следовало совершить. Здесь не было ничего подобного. Только запрет и приказ оставить место.

Это тревожило её сильнее, чем сами слова.

На рассвете Заар вернулся в свою комнату.

Он не стал ложиться. Снял дорожную одежду, вымыл руки от каменной пыли и разложил записи на столе. Рядом поставил лампу, несколько инструментов и футляр с пластинами. На подоконнике лежала вчерашняя зарисовка прохода. Он придвинул её к себе и начал сравнивать результаты.

Никакой однозначной картины не складывалось. Древние линии не подчинялись знакомым ему принципам. Некоторые элементы оставались совершенно неподвижными, другие отзывались на присутствие инструмента. Но реакция была непостоянной: она не повторялась каждый раз и не позволяла выделить одно условие, которое можно было бы назвать причиной.

Заар сделал несколько пометок.

«Повторная реакция не подтверждена».

«Положение пластины влияет на результат – возможно».

«Внешнее воздействие не установлено».

Он перечитал записи и зачеркнул последнее слово. Воздействие было, но он не мог утверждать, что именно его вы-

звало. Следовало оставить формулировку точнее: «Условия реакции не установлены».

Заар отложил перо.

Он вспоминал круговую площадку, молчание стражей и странное ощущение, будто звук барабанов исчез не постепенно, а сразу за границей зала. Возможно, это объяснялось устройством подземелий. Возможно, стражи были напуганы. Возможно, он сам слишком долго прислушивался к тому, чего не мог услышать.

Он не собирался превращать впечатление в доказательство.

Исследователь достал лист с зарисовкой круглой площадки. В центре рисунка находилась маленькая отметка.

Заар нахмурился.

Он не помнил, чтобы ставил её.

Сначала он решил, что это след пера, случайная точка, оставшаяся от движения руки. Но отметка располагалась слишком точно – в месте пересечения трёх концентрических окружностей. Он поднёс лист ближе к лампе, затем сверил его с предыдущими зарисовками.

На старом рисунке отметки не было.

Заар провёл пальцем по бумаге. Чернила высохли. Лист не был повреждён, а сама точка не походила на пятно от капли. Он проверил остальные страницы, одну за другой. На других схемах ничего похожего не обнаружилось.

Он перевернул лист.

На обратной стороне обнаружилась короткая фраза.

Не на языке Иш-Тара.

Не на языке торговых городов.

И не на одном из известных ему древних наречий.

Заар не смог прочитать её. Он не узнал ни одного знака и не решился даже предположить, к какой письменной традиции они могли относиться. Линии были тонкими, аккуратными, будто их выводили не торопясь. Но он не помнил, чтобы накануне переворачивал этот лист и делал там какие-либо записи.

Он только понял, что фраза была написана не им.

Исследователь долго смотрел на лист. Затем проверил стол, футляры и сумку. Он не нашёл ни чужого пера, ни открытого флакона с чернилами, ни другого предмета, который мог бы объяснить появление надписи. Окно было закрыто, дверь заперта изнутри. Но отсутствие объяснения не давало ему права объявлять случившееся невозможным.

Он осторожно убрал лист в отдельный футляр.

На этот раз он не стал делать выводов. Не стал записывать, что надпись появилась сама собой. Не стал связывать её с площадкой, пока не появятся основания. Он лишь отметил время, состояние листа и то, что обнаружил надпись после возвращения из подземелий.

За окном начинал светлеть город. С крыш поднимался дым, на улицах открывались лавки, у колодцев собирались первые люди. Из храма доносились утренние песнопения.

Ночные барабаны замолчали, уступив место голосам служителей и привычному шуму Иш-Тара.

Город просыпался, словно под его каменными основаниями не было ничего, кроме старых помещений и забытых проходов.

Заар закрыл футляр.

Он знал теперь чуть больше, чем накануне. Но каждое новое наблюдение только яснее показывало, насколько мало он понимал.

А глубоко под каменными основаниями Иш-Тара оставалось то, о чём никто из живущих наверху не мог рассказать наверняка.

Глава 9. Распределение

Утром Борек обнаружил, что три книги расходов не сходятся.

Он проверил их ещё раз, затем позвал старшего писаря.

– Кто составлял ведомость по углю?

– Я, господин.

– А кто сверял её с фактическими остатками?

– Складские смотрители.

– Тогда почему в одной книге числится тысяча восемьсот мер, в другой тысяча шестьсот сорок, а на складе осталось тысяча пятьсот девяносто?

Писарь побледнел.

– Возможно, не внесли последние выдачи.

– Возможно, – повторил Борек. – А возможно, кто-то решил, что числа существуют отдельно от того, что лежит в погребах.

Он закрыл книги.

– Найди мне всех смотрителей, отвечавших за последние две недели. И никому не говори, что мы обнаружили расхождение.

– Будет исполнено.

Писарь поспешил к двери.

– И ещё.

Тот остановился.

– Не нужно искать виноватого прежде, чем найдёшь записи. Если кто-то ошибся, я хочу знать почему. Если кто-то присвоил запасы – кто именно. Не смешивай одно с другим.

– Понял, господин.

Когда дверь закрылась, Борек остался один.

На столе перед ним лежала карта Каэла. Красные отметки показывали действующие склады, чёрные – остановленные участки Сети, синие – места, где ещё сохранялись запасы. Карта была составлена несколько недель назад, но уже успела устареть. Некоторые синие отметки следовало заменить чёрными. Другие требовали проверки. Несколько складов, которые прежде считались доступными, теперь зависели от дорог, на которых не хватало тягловых животных и людей.

Синих отметок становилось меньше.

Борек провёл пальцем по карте от центральных складов к восточным шахтам. Когда-то этот путь занимал несколько часов. Теперь из-за остановки линии приходилось отправлять обозы по старым дорогам. Лошади уставали быстрее, грузы приходили с задержкой, а часть товаров терялась по дороге. Там, где прежде достаточно было нескольких работников и исправного подъёмника, теперь требовались десятки людей, повозки, охрана и дополнительные дни.

Сеть Векторов не просто облегчала жизнь Каэла.

Она делала возможным существование города в его нынешнем виде.

Склады, мастерские, шахты и жилые уровни были связа-

ны между собой не только дорогами, но и привычным порядком снабжения. Люди знали, когда придёт уголь, когда привезут металл, в какой день выдадут зерно и где получить инструменты. Этот порядок казался таким же надёжным, как каменные стены.

Теперь каждый сбой заставлял менять сразу несколько расчётов.

Борек посмотрел на пустое место в ведомости.

Там должна была стоять цифра, которая объясняла бы, сколько времени у них осталось.

Но такой цифры не существовало.

Он отодвинул карту и открыл следующую книгу. В ней были расходы на ремонт, выплаты мастерским, содержание гарнизонов и закупки продовольствия. Отдельные строки выглядели вполне терпимо. Вместе они складывались в сумму, которую казначейство не могло покрыть без новых сокращений.

Борек взял перо и начал отмечать расходы, которые можно было отложить.

Первым делом убрал из списка две несрочные строительные работы. Затем сократил закупку материалов для украшения общественных залов. Следом вычеркнул обновление нескольких складских помещений, которые пока ещё могли использоваться.

Он не трогал продовольствие.

Не трогал аварийный ремонт.

Не трогал выплаты тем, кто уже выполнил работу.

На последней строке перо остановилось. Военные мастерские просили дополнительный металл. Их заказ был обоснован, но его выполнение означало бы, что Тор получит меньше материала для центрального участка Сети.

Борек положил перо.

Он знал, что сегодня ему придётся объяснять это людям, которые не захотят слушать.

К полудню в казначейство пришли представители трёх гильдий.

Первым вошёл мастер литейщиков. За ним – начальник угольных складов и представитель военных мастерских. Они не стали ждать приглашения сесть. Каждый принёс свои бумаги, и каждый был уверен, что именно его расчёты должны рассматриваться в первую очередь.

– Нам нужна ясность, – заявил литейщик.

– Тогда начните с того, что именно вам непонятно, – ответил Борек.

– Почему наши поставки металла снова сокращены?

– Потому что металл направляется на ремонт центрального участка Сети.

– Наши заказы оплачены.

– Я помню.

– Гильдия уже приняла обязательства перед несколькими домами.

– И я помню.

– Тогда почему казначейство распоряжается нашими запасами?

Борек сложил руки на столе.

– Потому что часть металла принадлежит не вашей гильдии, а княжеству.

– Мы добывали его своими людьми.

– За плату из княжеской казны.

– Мы не отказываемся от обязательств перед Каэлом. Но нельзя каждый раз менять условия после того, как работа выполнена.

– Я не меняю условия ваших договоров. Я определяю, какие поставки могут быть исполнены сейчас.

– Это одно и то же, если заказчик не получает товар.

– Не одно и то же, если вы хотите разобраться, кто именно нарушил договор.

Литейщик нахмурился.

– Вы собираетесь платить не металлом?

– Я собираюсь платить тем, что казначейство действительно может выдать. Но сначала мне нужно понимать, сколько у нас есть и сколько мы можем доставить.

– Вы хотите остановить производство.

– Я хочу, чтобы Каэл продолжал существовать.

Литейщик усмехнулся.

– Красивые слова. Только кузницы не работают на словах.

– Поэтому я и предлагаю вам сесть и обсудить поставки.

– Мы уже обсуждали.

– Значит, обсудим снова.

Представитель военных мастерских ударил ладонью по столу.

– Пока вы обсуждаете, гарнизоны получают старое снаряжение. Нам нужны металл и уголь. Без них мы не сможем подготовить укрепления.

– Укрепления не работают без продовольствия, – заметил Борек.

– А продовольствие не защитит город, если имперцы окажутся у ворот.

– Имперцы уже у наших границ. Но если мы потратим все запасы на оружие, некому будет его держать.

– Значит, вы предлагаете оставить гарнизон без снабжения?

– Я предлагаю не делать вид, будто у нас достаточно ресурсов на всё.

Представитель военных мастерских хотел возразить, но Борек поднял ладонь.

– Послушайте. Я не собираюсь убеждать вас, что металл не нужен. Нужен. Уголь нужен. Рабочие нужны. Инструменты нужны. Но если каждый из вас будет требовать прежнюю долю, мы не сможем выполнить ни один заказ полностью. Я могу выдать вам часть материалов, но тогда кто-то другой останется без них.

– Это не наша проблема, – сказал литейщик.

– Пока нет. Но когда остановится центральная линия, это станет проблемой каждого.

Начальник угольных складов наконец заговорил:

– Есть ещё одна проблема. Рабочие отказываются выходить на дополнительные смены.

– Почему?

– Говорят, что им задерживают оплату.

Борек посмотрел на него.

– Им выплатили всё, что было предусмотрено.

– Они считают иначе.

– Пусть принесут расчёты.

– Они уже собираются к казначейству.

Борек медленно поднялся.

– Тогда передай им, что я приму их представителей сегодня.

Литейщик покачал головой.

– Вы думаете, что сможете договориться со всеми?

– Нет.

– Тогда зачем пытаетесь?

Борек посмотрел на него.

– Потому что пока мы разговариваем, никто не берётся за оружие.

Никто не ответил.

– Я не обещаю, что каждый получит столько, сколько просит, – продолжил он. – Но никто не должен терять заработанное только потому, что в казначействе не сошлись кни-

ги. Если есть долг, его нужно подтвердить и выплатить. Если заказ остановлен, гильдия должна знать причину. Если материалы перераспределены, вы получите новый расчёт. Я не позволю спрятать нехватку за красивыми словами.

– А если расчёты покажут, что нам должны больше, чем вы можете выплатить?

– Тогда будем решать, как выплатить. Но сначала я должен увидеть настоящие цифры.

Представители переглянулись. Они не получили желаемого ответа, но и открытого отказа не услышали.

Когда они ушли, Борек попросил писаря принести ведомости по выплатам.

Он не сомневался, что часть недовольства была вызвана общей нехваткой. Но расхождения в книгах не позволяли исключить и другое: кто-то мог воспользоваться сумятицей, чтобы скрыть задержки, незаконные выдачи или собственную небрежность.

Он не собирался обвинять людей без доказательств.

Но и закрывать глаза на ошибки не собирался.

Рурик выслушал доклад Борека в крепости.

Аня стояла у окна и наблюдала за двором. Внизу тренировались воины. Их движения были размеренными, но она замечала, что некоторые из них уже берегли силы. Последние недели давались гарнизону тяжело. Учебные занятия сокращали, когда требовались дополнительные рабочие руки,

а часть людей после смены отправлялась помогать на складах и в мастерских.

Рурик сидел за столом, перед ним лежала карта укреплений. Он не перебивал брата, пока тот перечислял цифры.

– Сколько у нас металла? – спросил он, когда Борек закончил.

– Если учитывать все склады, достаточно для нескольких крупных работ. Если учитывать только то, что можно доставить, – значительно меньше.

– Уголь?

– Ситуация похожая.

– Зерно?

Борек выдержал паузу.

– Запасы сокращаются быстрее, чем мы рассчитывали.

Рурик посмотрел на карту.

– А Тор?

– Требует дополнительный металл. Говорит, что без него центральный участок не восстановить.

– Сколько?

– Он не назвал окончательную цифру.

– Почему?

– Потому что не знает, что обнаружит после разборки повреждённого соединения.

Рурик провёл ладонью по лицу.

– Значит, мы должны отдать ему металл, не зная, хватит ли его.

– Да.

– А военным?

– Им тоже нужно.

– А гильдиям?

– Они требуют сохранить прежние объёмы.

Рурик посмотрел на брата.

– Ты казначей. Скажи мне, что делать.

Борек не сразу ответил.

– Нельзя распределять ресурсы так, будто у нас есть возможность удовлетворить всех.

– Я это понимаю.

– Тогда нужно определить, что мы сохраняем в первую очередь.

– Говори.

Борек положил на стол несколько листов.

– Продовольствие. Без него остановится всё. Потом аварийный ремонт центрального участка. Затем снабжение гарнизонов и военных мастерских в объёме, который позволит им выполнять необходимые работы. Всё остальное придётся отложить.

– Ты ставишь ремонт Сети выше укреплений?

– Я ставлю его рядом с ними. Если центральный участок окончательно выйдет из строя, мы потеряем возможность быстро перемещать грузы. Тогда укрепления останутся без материалов, а склады – без поставок.

– Если гарнизоны не получат снаряжение, они не удержат

стены.

– Если склады не получат зерно, гарнизоны будут голодать.

– А если мы отдадим всё зерно жилым уровням?

– Тогда военным придётся сократить запасы.

Рурик помолчал.

– Ты предлагаешь мне выбирать, кто останется без необходимого.

– Я предлагаю перестать делать вид, что выбора нет.

Аня отвернулась от окна.

– Людей.

Оба мужчины посмотрели на неё.

– Что? – спросила она. – Мы всё время говорим о металле, угле, зерне и линиях. Но всё это существует ради людей. Если придётся выбирать, нужно понимать, сколько людей мы можем прокормить и защитить.

Рурик нахмурился.

– Ты предлагаешь сократить гарнизон?

– Я предлагаю узнать, сколько людей город способен содержать.

– Гарнизон удерживает город.

– А кто удерживает семьи тех, кто служит в гарнизоне?

Борек опустил взгляд.

Аня продолжила:

– Мы считаем воинов, но не считаем тех, кто остаётся за их спинами. Считаем металл для оружия, но не всегда знаем,

сколько людей работает в мастерских и сколько из них получают плату вовремя. Считаем зерно на складах, но не знаем, сколько его уже обещано. Если мы не будем учитывать людей, то однажды обнаружим, что у нас есть запасы, но некому их доставить, некому обработать и некому защищать.

Рурик долго смотрел на дочь.

– Ты говоришь так, будто уже готовишься уйти.

– Я говорю так, будто не хочу однажды обнаружить, что мы слишком поздно начали считать.

– Пока мы не оставляем Каэл.

– Я не говорила, что нужно оставлять его сегодня.

– Но думаешь об этом.

Аня не ответила.

Борек посмотрел на неё внимательнее. В её словах не было прямого предложения об эвакуации, но он услышал то, что она не произнесла. Она всё чаще задавала вопросы, которые не задаёт человек, уверенный, что привычный порядок можно восстановить.

– Нам нужно хотя бы знать, сколько людей находится в каждом жилом уровне, – сказала Аня. – Сколько детей, стариков, больных. Сколько семей у тех, кто служит в гарнизоне. Сколько рабочих можно снять с мастерских без остановки жизненно важных работ.

– Это большая перепись, – заметил Борек.

– Тогда начни её.

Рурик посмотрел на брата.

– Ты можешь?

– Могу поручить писарям. Но точные сведения быстро не собрать. Некоторые склады ведут учёт по домам, другие – по выдаче, третьи записывают только тех, кто получает пайки.

– Начни с того, что есть, – сказал Рурик. – Мне нужны цифры.

Борек собрал бумаги.

– Я займусь.

– И ещё, – добавил Рурик. – Не допускай, чтобы гильдии начали разбирать запасы самостоятельно. Если каждая решит спасти себя, у нас не останется ни общего порядка, ни общего города.

– Я понимаю.

Аня снова повернулась к окну.

Внизу один из воинов упал на колено после неудачного выпада. Его товарищ помог ему подняться. Тренировка продолжилась.

– Они тоже люди, – сказала она тихо.

Рурик услышал.

– Я знаю.

– Тогда не забывай об этом, когда будешь смотреть на карту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.